

ISSN 2414-4452

PHILOLOGY

International scientific journal

№ 6 (12), 2017

Founder and publisher:
Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2016 (January)

Volgograd, 2017

UDC 8
LBC 72

PHILOLOGY

International scientific journal, № 6 (12), 2017

The journal is founded in 2016 (January)
ISSN 2414-4452

The journal is issued 6 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 62764, 18 August 2015

EDITORIAL STAFF:

Head editor: Musienko Sergey Aleksandrovich

Executive editor: Manotskova Nadezhda Vasilyevna

Dmitrieva Elizaveta Igorevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department “Foreign languages - 5”

Ansimova Olga Konstantinovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of Russian language

Atamanova Natalia Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.
Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 "G"
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Founder and publisher: Publishing House «Scientific survey»

УДК 8
ББК 72

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал, № 6 (12), 2017

Журнал основан в 2016 г. (январь)
ISSN 2414-4452

Журнал выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 62764 от 18 августа 2015**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры "Ино-
странные языки - 5"

Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка, Новосибирский государственный технический университет

Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

CONTENTS

Philological Sciences

- Bayakhmetova A.A., Kasyanova V.P.*
ON THE STANDARDIZATION ISSUE
OF MODERN RUSSIAN LANGUAGE: CONCEPTS AND ESSENCE..... 8
- Dzhumayeva Zh.T.*
USAGE OF DIALECTICISMS IN WORKS BY TUGELBAY SYDYKBEKOV 13
- Kostash L.L., Lichii E.N.*
MEANS OF FOREGROUNDING OF TAGLINES FOR ENGLISH FICTIONAL FILMS 18
- Victoria Pérez*
CHRONOTOPE OF GATE IN THE *CASSANDRA* STORY BY CHRISTA WOLF 22
- Porechenkova Ye.A.*
MODEL OF PHILOLOGICAL COMPETENCE FORMATION
IN PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING 26
- Reshetova A.S.*
ORIGIN NATURE OF EPTONYMS. LINGUISTIC APPROACH
TO THE ISSUE OF PHRASEOLOGICAL FUND'S TERMS FORMATION 32

Linguistics

- Abbasova M.*
FUNCTIONS OF LANGUAGE IN SOCIETY..... 37

The Russian Language

- Golubeva I.V., Ivanova A.G.*
PECULIARITIES OF THE SYNTACTIC SPEECH
SYSTEM OF THE CHILDREN'S BOOKS BY I.D. VASILENKO..... 42

Germanic Languages

- Zvyagintseva A.V.*
ON THE ISSUE OF CORRELATION OF LEXICAL UNITS
OF ASSOCIATIVE FIELD WITH THE CONTENSIVE-STRUCTURAL TEXT LEVEL..... 46
- Mamukina G.I.*
A RECIPE FOR SUCCESSFUL MASTERING SKILLS OF PRONUNCIATION
AND SPEAKING AT THE GERMAN LESSONS IN ECONOMIC HIGHER EDUCATION
INSTITUTION (THE INITIAL STAGE, MASTER'S PROGRAM) (FROM EXPERIENCE)..... 49
- Prirodina U.P.*
EPONYMS WITH ANTHROPONYMIC MEANING IN SWEDISH 55

Linguistic Theory

Grabowska Magdalena

THE PROS AND CONS OF BILINGUALISM.

THE EXPERIMENT WITH NON-NATIVE BILINGUALISM – REFLECTIONS 58

Comparative Historical, Typological and Comparative Linguistics

Borovkova M.V.

TEXTS OF LEGAL INTERPRETATION AND LEGAL CONSTRUCTION

AS PHENOMENON OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION OF LAWYERS 65

Applied and Computational Linguistics

Musinova T.V.

GRAMMATICAL VOICE IN ENGLISH ENGINEERING, MEDICAL

AND SURGICAL DISCOURSE: FROM INSTRUCTIONS TO USAGE 68

СОДЕРЖАНИЕ

Филологические науки

<i>Баяхметова А.А., Касьянова В.П.</i> К ВОПРОСУ О НОРМИРОВАННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА: ПОНЯТИЯ И СУЩНОСТЬ	8
<i>Джумаева Ж.Т.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИАЛЕКТИЗМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ТУГЕЛЬБАЯ СЫДЫКБЕКОВА.....	13
<i>Костаи Л.Л., Ликий Е.Н.</i> СПОСОБЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ТЭГЛАЙНОВ К АНГЛОЯЗЫЧНЫМ ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ФИЛЬМАМ	18
<i>Виктория Перес</i> ХРОНОТОП ВОРОТ В ПОВЕСТИ КРИСТЫ ВОЛЬФ «КАССАНДРА».....	22
<i>Пореченкова Е.А.</i> МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ	26
<i>Решетова А.С.</i> ПРИРОДА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЭПТОНИМОВ. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА	32

Языкознание

<i>Аббасова М.</i> ФУНКЦИИ ЯЗЫКА В ОБЩЕСТВЕ	37
--	----

Русский язык

<i>Голубева И.В., Иванова А.Г.</i> СПЕЦИФИКА СИНТАКСИЧЕСКОГО СТРОЯ РЕЧИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ И.Д. ВАСИЛЕНКО	42
--	----

Германские языки

<i>Звягинцева А.В.</i> К ВОПРОСУ О СООТНЕСЕНИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ С СОДЕРЖАТЕЛЬНО-СТРУКТУРНЫМ УРОВНЕМ ТЕКСТА	46
<i>Мамукина Г.И.</i> СЕКРЕТ УСПЕШНОГО УСВОЕНИЯ НАВЫКОВ ПРОИЗНОШЕНИЯ И ГОВОРЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ВУЗЕ (НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП, МАГИСТРАТУРА) (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ).....	49
<i>Природина У.П.</i> ЭПОНИМЫ АНТРОПОНИМИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ.....	55

Теория языка

Грабовска Магдалена

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ БИЛИНГВИЗМА.

ЭКСПЕРИМЕНТ С ПРИОБРЕТЕННЫМ БИЛИНГВИЗМОМ 58

Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Боровкова М.В.

ТЕКСТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ЮРИДИЧЕСКОГО

ТОЛКОВАНИЯ КАК ФЕНОМЕН МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ЮРИСТОВ 65

Прикладная и математическая лингвистика

Мусинова Т.В.

ЗАЛОГ В АНГЛИЙСКОМ ИНЖЕНЕРНОМ, ОБЩЕМЕДИЦИНСКОМ

И ХИРУРГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ОТ ИНСТРУКЦИЙ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ 68

UDC 613(574)

ON THE STANDARDIZATION ISSUE OF MODERN RUSSIAN LANGUAGE: CONCEPTS AND ESSENCE

A.A. Bayakhmetova¹, V.P. Kasyanova²

¹ Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of Practical Linguistics Department,
Associate Professor, ² Senior Lecturer of Foreign Languages Department
Kostanay State University named after A. Baitursynov, Kazakhstan

***Abstract.** We focus on the issues of a decent and indecent form of the words of the Russian language. The relevance of this article consists in studying the standardization of the modern Russian language. The purpose of the article is the acquaintance with the concept of "an indecent form of the utterance", exposure of its essence and the causes of its use. The novelty of the article is explained by the choice of the subject of the research – an indecent form of the utterance that is a part of the group of promising directions in the field of modern linguistics connected with the problems of the emergence of new lexical units of non-normative vocabulary. The given article provides an opportunity to learn the mechanism of using the indecent form of the utterance and make their analysis taking into account the context. The analysis of an indecent form of the utterance presents a considerable interest both in theoretical and in practical terms.*

***Keywords:** non-normative vocabulary, slang, swearwords, jargon, barbarization, obscene vocabulary, unprintable language, taboo vocabulary, swearing.*

Modern Russian language is one of the richest languages of the world, a highly developed national language with long written traditions and an extensive system of means of expression. It not only serves all spheres of the national life of people, but also serves as a language of interethnic communication. In comparison with local dialects, vernacular, jargons, profanity, the literary language is characterized by the processing of its means, the historically established norms, the great functional and style branching, which are obligatory for its carriers. This article considers the language norm, the reasons for the change in the literary language. The main feature of the literary language is its standardization. It is not accidentally that the English-speaking people use the term "standard language" instead of the term "literary language", which means "standard language". In the literary language, pronunciation, choice of words and the use of grammatical forms are subjected to certain rules or standards. For example, in a literary language you cannot use such forms as "вы хотите", "моё фамилие", "они побегли," but you have to say "вы хотите", "моя фамилия", "они побежали." You cannot use the regional word "баско" instead of the word "хорошо", instead of the word "сосед" - "шабер", you should not say "его", "скучно", but you should say "ево", "скушно".

It is known that the language norm is socially conditioned and socially comprehended. The norm is inseparable from the society in the same way as the language is inseparable from it. Through the attitude to the norm, through the awareness of it, members of the society show an attitude towards their language. At the present stage of the development of the society, the language undergoes changes, and the norm is also the subject to a historical change. In the norm itself, and

not outside it, there are coexisting phenomena that become obsolete, going away, words that limit the scope of their existence and, of course, new phenomena develop.

The Russian literary language is the language of the most advanced revolutionary theory, the language of advanced science and technology, the language of the greatest fiction literature, the world significance of which is recognized by all progressive mankind. The might and richness of the Russian language were emphasized more than once by writers – classics and public figures. Thus, M.V. Lomonosov found in it the splendor of Spanish, the liveliness of French, the strength of German, the tenderness of Italian, moreover, the richness and the strength in the images of the brevity of Greek and Latin. In Pushkin's opinion, the Russian language is flexible and powerful in its constructions and means, imitative and tolerant in its relations to foreign languages, sonorous and expressive. I.S. Turgenev called the Russian language "great, powerful, truthful and free".

Despite its formed and canonized system, the Russian language is constantly evolving, many new words are emerging, often borrowed, the non-literary layer of vocabulary is developing. Following I.A. Sternin, we distinguish changes in the lexical and phraseological system of the language:

- 1) intensification of the processes of borrowing foreign vocabulary;
- 2) the formation of new lexical units;
- 3) semantic changes in vocabulary;
- 4) new phraseological units;
- 5) functional and stylistic changes in Russian vocabulary;
- 6) the formation of nationwide slang;
- 7) change in the system of Russian addressing to people.

E.A. Zemskaya writes: "Changes in the literary language are chiefly not as a result of the democratization of the contingent possessing literary speech (as, for example, it was in the 1920s, when a large number of immigrant workers came to the traditional bearer of the literary language, the intelligentsia and peasants), but rather the entry into public life of such groups of people who in their habits and preferences are associated with all kinds of jargons and other forms of non-literary speech "[1, p. 12].

Changes in the regime of the state government and the structure have a special effect on the standards of the language. The proclamation of freedom both in the socio-political and economic sphere and in human relations affects the assessments of certain linguistic facts and processes: what previously was considered as belonging to a socially non-normative environment (criminal, addictive, simply uncultured), begins to acquire a different status, acceptability of using along with the traditional means of the literary language.

In Soviet times an unusual unique situation arose that in linguistics is called diglossia (Greek bilingualism), that is the coexistence of two languages or two forms of one language, distributed in different spheres of use. Along with the ordinary Russian language one more version of it appeared. At one time it was called in different ways: Soviet language, wooden language, clerical. Diglossia took place before in Russia itself. So, in Ancient Russia, the colloquial Russian language and the literary Church Slavonic were side by side. Today in Kazakhstan trilingualism is observed: Kazakh, Russian and English. Polylingualism in Kazakhstan promotes understanding and cooperation among nations, enrichment and development of native languages, improving the overall human culture. The comprehensive development of the vital forces of an individual is significantly affected by the knowledge not only of the native language, but also the study of other languages. N.Nazarbayev believes and we fully agree: "This Law establishes the legal basis for the functioning of languages in the Republic of Kazakhstan, the state's responsibility in creating conditions for their study and development provides the same respectful attitude without exception to all languages used in the Republic of Kazakhstan "[2, p.51]. Naturally, such a phenomenon cannot exist separately, without affecting the structure of each of the languages. The result is the merging of these languages, and native speakers often do not notice this merger. So, for example, the stress in the Kazakh language always falls on the last syllable while in Russian it is different and the ignorance of the norms

of one of the languages leads to the fact that the stress is put in the Russian and Kazakh languages by the native speakers on the last syllable. From the point of view of orthoepic norms it is unacceptable and often leads to a confusion of the lexical meaning of words, for example: *до́роза* (with the stress on the second syllable) and *до́роза* (with the stress on the last syllable). Another example is the penetration of slang into the language and indecent, non-normative vocabulary of one language into another. It turns out to be some kind of a continuous cycle. Trying to purify own language from non-literary and non-normative vocabulary we borrow it from another language. It should be noted that the problem lies not only in trilingualism. In connection with the emergence of new industries and technology the flow of borrowings from the English language has sharply increased. The largest number of borrowings appeared in new areas where the system of Russian terms or names has not yet been developed. The modern Russian language constantly requires setting standards.

In our opinion constant observation of the development and changes in the norms is one of the main tasks of the linguistic science on the culture of speech. The history of the language is always the history of the nation, and the reasons for such active use of non-literary language elements in modern speech should be looked for, first of all, in the socio-economic, political and general cultural aspects of the development of the country and the whole nation.

In order to understand what a non-literary language is and to determine its role in communication it is necessary to identify the causes of its occurrence, to consider the dynamics of its development. All the researchers of the language have the opinion and we share this point of view that the Russian-speaking community is going through a time of activation the jargon (argo, slang), indecent expressions (curse words)... Jargon overflows speech of people, the media and fiction literature. This process is often called barbarization. There is a need for new words, because new concepts are emerging. In addition barbarization, as a rule, accompanies extremely unstable periods in the life of the society. There is an intensive and unordered search for means of expression. Barbarization is a natural process, but excessive barbarization is dangerous. Studies of our days show that barbarization with colossal quantitative indicators (i.e. with a huge volume of jargon and borrowing) had almost no qualitative impact on the modern Russian language.

All the vocabulary of this or that language is divided into literary and non-literary. Literary vocabulary includes:

- 1) book words;
- 2) standard spoken words;
- 3) neutral words.

All literary vocabulary is used both in oral and written speech, in an official situation. To non-literary lexicon are referred:

- 1) professionalism;
- 2) vulgarism;
- 3) jargon;
- 4) slang;
- 5) non-normative expressions (curse words).

This part of the vocabulary is distinguished by its conversational and unofficial character. Non-normative vocabulary (obscene language, unprintable language) or obscene vocabulary (from Latin obscene - dissolute, immoral) is a segment of the abusive vocabulary of various languages, including coarse (obscene, obscenely vile, unbearably hideous, vulgar) abusive expressions, often expressing spontaneous speech reaction to an unexpected (usually unpleasant) situation. Linguists separate the concepts of non-normative vocabulary and taboo vocabulary from obscene vocabulary. One of the varieties of obscene vocabulary in Russian is the Russian abusive language. Russian abusive language is actively used in speech not only by native speakers of Russian, but also other languages, and ignorance of the Russian language does not prevent representatives of other languages from understanding and using Russian curse words in their speech. For example (Kazakh speakers who do not know Russian): (*Сен маған не тибысып отырсын? Пощёл на х...*). (*Что ты ко мне пристаёшь? Пошёл на х...*).

An indecent form of utterance which doesn't belong to separate social groups is used by native speakers of the Russian literary language. Such expressions can signal the speaker's belonging to "his own", show how much he in front of the listeners appears relaxed, "cool", the speech becomes more emotional. An impolite form of utterance covers almost all spheres of life, it is focused on the person – the spheres of his life, relationships with other people. An impolite form of utterance is a non-normative vocabulary that, for various reasons, is introduced into the speech of all segments of the population, some of them understand that it is indecent and obscene, others consider it to be the norm. Penetrating into many spheres of our life, the non-normative vocabulary becomes a means of creating a peculiar expression and color. Profanity (obscene language, unprintable language) or obscene vocabulary includes the grossest abusive language. In Russian there are also several dozens of other obscene words that are not abusive and much less taboo, but also considered indecent. Russian obscene vocabulary has ancient Slavic and Indo-European roots. The poet I. Shklyarevsky in his poetic bylina "The Feast" wrote:

*«А бранились теперешним матом
или с кислую вонью Орда
занесла его к нам в города?»*

Along with it, various variants of the etymology of the basic word-forming roots are offered, all of them date back to the Indo-European or pre-Slavic bases. V.M. Mokienko writes: "The basic "three whales" of Russian curse words are etymologically decoded fairly decently: the Proto-Slavic "jebti" originally meant "strike, hitting, "huj "(akin to the word "needle ") - "needle of a coniferous tree, something prickly ", pisda -" urethra "[3, from. 4]. Indecent lexicon in the form of obscene vocabulary can be used for different purposes. A.V. Chernyshev divides the "key terms of the abusive lexicon" into three groups:

- 1) male and female sexual organs and denoting sexual intercourse;
- 2) transferring the value of sexual organs and sexual intercourse to a person as an object of naming;
- 3) borrowing from "cultural speech" in a deliberately coarsened form.

V.M. Mokienko considers this classification too generalized and suggests a more detailed, in our opinion, classification of Russian abusive vocabulary and phraseology. In the classification, the terms "abusive vocabulary" and "obscene vocabulary" are understood as mutually replaceable, although they are not completely similar. The main feature of these lexical groups is the emotionally expressive reaction to such words. We can adhere to the classification of Russian abusive vocabulary on the functional-thematic principle offered by V.M. Mokienko.

1. Naming people using negative characteristics such as:
 - a stupid, dull person;
 - a mean, low man;
 - a paltry person, a nonentity;
 - a prostitute, a corrupt woman.
2. The names of "indecent" socially tabooed parts of the body – "curse words".
3. Naming the process of sexual intercourse.
4. Naming physiological functions (items).
5. Naming "results" of physiological functions.

The author points out that these groups of abusive and obscene vocabulary are generally represented in almost all languages. The basis of Russian indecent obscene vocabulary, as a rule, is obscene vocabulary popular in many languages: the male sexual organ, the female sexual organ, words with the meaning of the action (*e...тб. вы...б*, etc.).

Thus, the use of obscene words occurs most often in an informal situation, and, as a rule, in a strong excited or depressed state. A person lacks literary words to express own feelings, nervousness, emotions.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земская, Е.А. Как делаются слова / Е.А. Земская. – М.: Просвещение, 1983. – 163 с.
2. Конституция Республики Казахстан: научно-правовой комментарий / под ред. Г.С. Сапаргалиева. – Алматы: Нур-пресс, 2004. – 560 с.
3. Мокиенко, В.М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное / В.М. Мокиенко. – libok.net/writer/5972/kniga/18345/m.

Материал поступил в редакцию 26.10.17.

К ВОПРОСУ О НОРМИРОВАННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА: ПОНЯТИЯ И СУЩНОСТЬ

А.А. Баяхметова¹, В.П. Касьянова²

¹ кандидат филологических наук, доцент кафедры практической лингвистики,

² старший преподаватель кафедры иностранных языков

Костанайский государственный университет имени А. Байтурсынова, Казахстан

***Аннотация.** Вопросам приличной и неприличной формы слов русского языка придаётся большое внимание. Язык находится в состоянии непрерывного развития, одной из закономерностей является пополнение лексики новыми словами, в том числе производными «неприличной формы», выполняет множество функций, в число которых входит оценочная, регулятивная. Во всех языках есть производные, в структуре значения которых представлен какой-нибудь оценочный компонент. На современном этапе развития современного русского языка одной из важных проблем является вопрос о «неприличной форме». Объектом исследования является ненормативная лексика. Актуальность данной статьи заключается в изучении нормированности современного русского языка. Цель статьи – ознакомление с понятием «неприличная форма высказывания», выявление ее сущности и причин употребления. Новизна статьи объясняется выбором предмета исследования – неприличная форма высказывания, которая входит в группу перспективных направлений в области современного языкознания, связанных с проблемами появления новых лексических единиц ненормативной лексики. Данная статья даёт возможность познать механизм использования неприличной формы высказывания и их анализ с учётом контекста. Анализ неприличной формы высказывания представляет собой значительный интерес как в теоретическом, так и в практическом планах.*

***Ключевые слова:** ненормативная лексика, сленг, матизмы, жаргонизмы, варваризация, обсценная лексика, непечатная брань, табуированная лексика, брань*

УДК 81.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИАЛЕКТИЗМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ТУГЕЛЬБАЯ СЫДЫКБЕКОВА

Ж.Т. Джумаева, старший преподаватель кафедры кыргызского языка и литературы
Ошский гуманитарно-педагогический институт, Кыргызская Республика

***Аннотация.** В этой статье рассмотрено использование диалектизмов кыргызского языка в романе «Среди гор» Т. Сыдыкбекова. А также с помощью диалектизмов романа можно увидеть красноречивость писателя Т. Сыдыкбекова.*

***Ключевые слова:** Т. Сыдыкбеков, писатель, диалектизмы, народный язык, художественный план, национально колоритные слова, иссык-кульский говор.*

Тугельбай Сыдыкбеков один из великих мастеров художественного слова кыргызской литературы. Писатель является большим знатоком народного языка, традиций и обычаев кыргызского народа. Прочитав произведения Т. Сыдыкбекова, мы становимся свидетелями богатого словарного состава, высокой художественной мощи красноречивого языка.

Произведения, созданные (написанные) Т. Сыдыкбековым, исследуются очень широко в плане литературы [1, с. 65]. Действительно, в трудах, написанных в литературоведческом аспекте, литераторы единогласно отмечают богатство и простоту лексики произведений Т. Сыдыкбекова, его умение мастерски использовать язык народного устного общения. Известный литератор А. Сыдыков пишет: «Прежде всего, нужно уметь точно, впечатляюще описать жизнь, помыслы, цели, традиции, обычаи, природу, нравы народа. Особенно необходимо условие для сочности языка, богатства лексического состава. С этой точкой зрения мы не ошибемся, если скажем, что Т. Сыдыкбеков достоин похвалы. Он многократно и уместно использует национальные, колоритные пословицы-поговорки, в которых заключены идеи кыргызского народа» [6, с. 125].

Но в лингвистическом плане есть только несколько статей А. Жалилова, посвященных стилистической функции устаревших слов в произведениях романиста.

Роман «Среди гор» Т. Сыдыкбекова является солидным произведением не только в творчестве писателя, но и этапной вершиной всей кыргызской советской литературы, написанный в жанре романа. Исследование языка романа, в том числе диалектизмов, даст нам много интересных фактов.

В произведениях Т. Сыдыкбекова не очень часто встречаются диалектные слова. Это показывает то, что выдающийся романист в использовании диалектизмов творчески усвоил богатую традицию русской литературы, особенно руководствуется наставлением великого писателя А.М. Горького «писатель должен писать по-русски, а не по-вятски, не по-балахонски...» [3, с. 134]. Т. Сыдыкбеков мастерски использует диалектизмы, региональные слова в своих произведениях, которые можно и не заметить. Они составляют частичку художественной структуры, при замене их другими словами, чувствуется искажение смысла произведения. Автор ювелирно использует диалектизмы в различных стилистических целях. Например, использование фонетической особенности звука «э», характерного для южного диалекта, или морфологической особенности 2 лица вежливой формы окончания–**ың**, (**алың**) и др. Но они не рассматриваются в лексикологии. Лексикологию интересуют лексические диалектизмы, момент их использования, возможности перехода в литературный язык. Бывают слова, не относящиеся ни к литературному языку, ни к другим говорам народного языка, ни к диалектам. Такие слова обычно называют термином «этнографические диалектизмы».

Так как Тугельбай Сыдыкбеков является представителем иссык-кульского говора северной системы кыргызских диалектов, да и в романе «Среди гор» описывается событие, происходящее вокруг озера, лексические диалектизмы в произведении в большинстве характерны иссык-кульским говорам, а иногда и другим северным говорам. Лексическая особенность иссык-кульских говоров заключается в том, что они составляют более тесное единство со словами литературного языка, чем южные говоры. Потому что большинство слов в речи иссык-кульских кыргызов встречаются также в других говорах кроме литературного языка. В романе «Среди гор» встречаются лексические диалектизмы, характерные для иссык-кульского говора и северного диалекта.

Т. Сыдыкбеков уместно использует лексические диалектизмы как квалифицированный мастер художественного слова.

С давних пор в сельском хозяйстве иссык-кульских кыргызов в качестве лекарственного растения выращивали опиум. Мы встретили лексические диалектизмы *жың, чанжы, зээр*, относящиеся к данному виду сельского хозяйства.

Чанжы \ на дунганском **цаньцы** \ – сельскохозяйственный инструмент, тяпка с короткой рукояткой для прополки опийного мака.

Жың \ на китайском **цинъ**, на уйгурском **жин** или **жиң** \ – название единицы меры веса, равной 560 граммам.

Зээр – 1 единица меры веса, равная 16 жың. В Кыргызско-русском словаре К.К. Юдахина к этим словам есть помета «используемое в Синьцзяне» (683 стр). Т.Р. Рахимов отмечает, что на языке уйгуров в Китае используется как устаревшее слово **сар//сер**, который равен 35 граммам, на китайском равен дачану [5, с. 34]. Значит, иссык-кульские кыргызы освоили вышеприведенные слова в результате взаимоотношений с народами, живущими в Синьцзяне.

Перечисленные слова в романе «Среди гор» используются при описании эпизодов, связанных с выращиванием опиума и взаимоотношениями между людьми. Они, во-первых, будучи средством исторической стилизации при достоверном отражении той эпохи, во-вторых, показывая в произведении место происшествия события, представителем какого говора являются герои, придавали местный колорит.

К лексическим диалектизмам, характерным иссык-кульскому говору, можно добавить слово **бадвот** «**чыны, чоң чыны**» (**чашка**). Варианты лексемы **бадвот / падбот** также встречаются в произведении «Среди гор» [6, с. 186]. Появление слова **бадвот** связано с русским словом **подвода** (**кире араба**). Например: - *Эки жородон эки падбод бозо ичтим эле, сыртыма чыгып, аңги-деңги кылды деп, Касым кеп салды* (186 стр.); - *Бүгүн менин бозомдун бир бадвоту баягында карындашыңдын калыңына келген алтымыш жылкынын баш атындай бар* (73 стр.). Как видно по примерам, данное слово используется в качестве названия большой чашки и является значимым стилистическим средством при передаче местного колорита в произведении.

Как мы отметили, это слово (**бадвот**) связано с русским словом **подвода**. В данное время **бадвот** (в значении большой чашки) широко распространилось не только среди иссык-кульских кыргызов, но среди местных иссык-кульских русских в значении нового названия большой чашки. По этому поводу Г. Бакинова об этимологии слова **бадвот** делится своим интересным, достоверным наблюдением: «До Октябрьской революции, до присоединения к русским основным транспортом кыргызского народа были лошади и верблюды. Отправлялись куда-то на лошадях: имели понятие о телегах, но их самих не было. Широкое распространение телеги среди северных кыргызов относится к периоду прихода русских на кыргызские земли. Вот так с появлением остановок с тележками на ночлег у стационарных зрителей слово **подвода** усвоилось кыргызами и образовалось новое кыргызское слово **подводчу** \ **бадвотчу** при помощи присоединения словообразовательного аффикса **-чы/-чу** кыргызского языка. Большие чашки, в которых бадвотчу пили в определенной мере купленные бозо, жарма или же горячую жидкую еду, на Иссык-Куле называли **бадвот****падвот****бадывот**. Значит, русское слово **подвода** на основе функционального изменения перешло в посуду» [2, с. 80].

Еще одним из лексических диалектизмов, связанных с едой, в романе является слово **ачкыл**: - *Турчу эми берекем, абышкаңа ачкыл куюп берчи? (Встань, счастье мое, налеп своему старику ачкыл)* [6, с. 438]. На наш взгляд, вышеназванное слово в Тянь-Шаньском и Чуйском говорах означает – *максым*, Жалал-Абадском говоре – *ачыма/максым*, *магзым/магызым*, в литературном языке – *максым/ачкыл*.

К лексическим диалектизмам, связанным с домашней утварью в произведении «Среди гор», относится слово **зумбал**. Это слово означает «длинный, узкий, большой мешок». Писатель тактично (ловко, умело) использует **зумбал** не как название утвари, а как сравнительное средство для образного описания силуэта сидящего Бердибая в авторской речи: *Артыкча Бердибайдын далысы үңкүйүп, адам олтурганга окшобойт, топон салынган зумбал сыңары өбөктөп, башы жерге кирип баратат...* (Особенно в подавленном настроении плечи Бердибая опустились, не похожий на человека он сидит как **зумбал**, наполненный мякиной) [6, с. 262]. Конечно, у читателя может появиться вопрос, а не повредит ли использование диалектного слова в образном описании положения Бердибая в качестве сравнения? Но, по нашему мнению, автор с помощью описательного приема довел до читателя понятие – **вещь**, представленная диалектизмом (**топон салынган зумбал**) (**зумбал**, наполненный мякиной). Он достиг экспрессивности, сравнивая положение Бердибая, понуро сидящего, уткнувшись головою в землю с **зумбалом** – **длинным, тонким, большим мешком**.

Есть диалектные слова, обозначающие виды *камчы* (*плетки*), характерные иссык-кульскому говору. В романе «Среди гор» встречается слово **шапалак**, один из видов *камчы*: *Шапалагын сол колуна ала коюп, оң колунун бүкүрөйгөн сөөмөйүн Карымшаактын көзүнө тикеп, шилекейи анын бетине чачыратты...* (Взяв шапалак в левую руку, тыкая в глаза Карымшааку горбатым указательным пальцем правой руки, разбрызгивал слюни ему в лицо...) ; *Ушинтип акырайган Соке чатакты чыгарган Саадатка бата албаса да, кайраштырып урушту күчөткөн сен болдуң дегендей, бөлүнүп чыга берген Карымшаакка качырып келип шапалак камчысы менен берип-берип жиберди* (Хотя Соке с вытаращенными глазами не осмелился подойти к Саадат, затеявшую ссору, несколько раз ударил шапалак камчой отделившегося Карымшаака, считая его подстрекателем драки) [6, с. 199].

А также в романе встречаются слова, обозначающие виды *камчы* (*плетки*) по плетению, по рукоятке **жылан боор**, **музоо тиш**. Например: *Кийиктин шыйрагына алакандалып сапталган жылаан боор камчыны Саадат керегенин башынан алып, көлдөлөңдүн бүктөөсүнө койду. Саадат, взяв с кереге жылаан боор камчу, насаженную на голень кийика, положил его на подстилку.* [6, с. 52]; *Бзырынып отурган Карымшаак ордуна тура калып, колундагы музоо тишөрүлгөн ыргай сап менен Өмүрдү чоку талаштыра берип-берип жиберди* (Свирепо сидевший Карымшаак резко встал с плетью на руках, всплетенную одним узором (музоо тиш), несколько раз стегнул Омурра по мокушке) [6, с. 198].

В иссык-кульском говоре встречается слово «**айбалы**», означающее «лук (оружие), лучник». В толковом словаре кыргызского языка у этой лексемы есть помета «диалектизм». Вероятно, это слово относится к северному диалекту. В романе «Среди гор» мы не встретили употребление слова **айбаалы** в вышеуказанном значении. Согласно толковому словарю кыргызского языка, выпущенному в 1969 году, данное слово можно использовать в переносном значении как «*растопырившиеся руки-ноги, худой*». Например: “*Колу, буту чийдей карга шыйрак, адамды өзүнө бир караткандай айбаалы Сарыгул ушул жашында жарты койдун жазгы даакысын отурса алдына төшөп, турса үстүнө жамынчу*” (*Худой Сарыгул руками и ногами как тростник и вороньи ноги в этом возрасте клал под себя баранью весеннюю шерсть, когда садился, накрывался ею, когда ложился*) [6, с. 284]. Самое интересное, что Т. Сыдыкбеков использовал это слово в качестве прилагательного как есть, несмотря на то, что в словаре в приведенных примерах в переносном значении добавляется окончание прилагательного –**дай**:

Айбаалыдай балдар; (Худые дети)

Айбаалыдай солдаттар

Алты атар мылтык көтөрүп (Токтогул); (*Худые солдаты, взвалившие на себя шестизарядные ружья*) [7, с. 36].

Литературное слово *ана* (мать) в иссык-кульском говоре заменено словом *эне*, что в других говорах (южном, тянь-шаньском и др.) означает *бабушка*. Такие слова составляют семантический вид диалектизмов, которые в звуковой форме соответствуют слову литературного языка, но по значению отличаются от него. Семантический диалектизм *эне* в значении «*мать*» встречается в романе неоднократно: - *Ал саа эне ордуна эне болгон киши* (*Она тебе заменила мать*); *Жүрөгү болк этип, эне өз алдынча күңкүлдөп, кудайга жалынды*. (*Ёкнуло сердце, мать, невнятно говоря про себя, просила у бога*) [6, с. 279].

Также слово *аба* как семантический диалектизм используется на Иссык-Куле в значении «*старший близкий родственник, брат*». Эту особенность тоже можно встретить в романе: - *Бүгүнкү күлкүсү башкача болучу. Көрсө, ажалсыз тура?... Эми абам эне жооп айтам?* (*Сегодняшний смех его особенный. Оказывается, бессмертен?.. Что я отвечу брату?*). Диалектические значения вышеназванных слов *эне, аба* можно встретить и в южном говоре.

В языке художественных произведений больше используются лексические диалектизмы, чем диалектизмы других типов. Потому что исключены эквиваленты (соответствующие замены) в литературном языке. Если даже они присутствуют, диалектизмы более точно и лучше передают образность и стилистическую окраску. Мастера художественного слова, используя в произведениях лексические диалектизмы, обогащают язык своих произведений, а это расширяет использование изоглосса, дает возможность приобретения места в лексике литературного языка. В романе «Среди гор» лексические диалектизмы используются меньше, чем другие виды. Особенно больше встречаются фонетические диалектизмы.

Действительно, в иссык-кульском говоре присутствуют отдельные лексические диалектизмы, которые относятся к строительству дома, сапожному ремеслу, охотничьему промыслу, сельскому хозяйству, скотоводству, видам капкана, беркута, плетки, узоров шырдака (шитый в два слоя орнаментированный войлок), домашней утвари. Но большинство из них мы не встретили в романе «Среди гор». По нашему мнению, это связано с тематической особенностью романа.

Иначе говоря, в романе присутствует тематическая направленность, характерная самому произведению, а события, связанные с вышеперечисленными тематиками, не относятся к ней. На переднем плане стоит описание коллективизации кыргызского села, а охота беркутом, охотничий промысел, ремесло по вышиванию орнамента шырдака не является главной задачей писателя. Кроме того, автор нацелен, чтобы произведение было понятным и доходчивым читателю, бессмысленное использование лексических диалектизмов является для Т. Сыдыкбекова чуждым.

Морфологические диалектизмы в романе Т. Сыдыкбекова «Среди гор» встречаются редко. Писатель использовал их только для придания значения местному колориту, так как они несут огромную стилистическую нагрузку в языке героев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асаналиев, К. Тугельбай Сыдыкбеков: краткий очерк по творчеству / К. Асаналиев. – Ф., 1962
2. Бакинова, Г. Из материалов Ысык-Кульского говора / Г. Бакинова. – Ф., 1955.
3. Горький, А.М. Собрание сочинений в 25 томах / А.М. Горький. – Т. 25, 1953.
4. Рахимов, Т.Р. Китайские элементы в современном уйгурском языке / Т.Р. Рахимов. – М., 1970.
5. Садыков, А. В свете литературной критики / А. Садыков. – Ф., 1979.
6. Сыдыкбеков, Т. Тоо арасында / Т. Сыдыкбеков. – Ф., 1958
7. Толковый словарь кыргызского языка. I том. – Фрунзе, 1984.

Материал поступил в редакцию 12.10.17.

USAGE OF DIALECTICISMS IN WORKS BY TUGELBAY SYDYKBKOV

Zh.T. Dzhumayeva, senior teacher of department of the Kyrgyz language and literature
Osh Humanitarian Pedagogical Institute, Kyrgyz Republic

***Abstract.** In this article use of dialecticisms of the Kyrgyz language in the novel “Sredi Gor” (Among the Mountains) by Tugelbay Sydykbekov is considered, and also by means of dialecticisms of the novel it is possible to see eloquence of the writer T. Sydykbekov.*

***Keywords:** T. Sydykbekov, writer, dialecticisms, national language, art plan, national picturesque words, Issyk-Kul sub-dialect.*

УДК 81

СПОСОБЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ТЭГЛАЙНОВ К АНГЛОЯЗЫЧНЫМ ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ФИЛЬМАМ

Л.Л. Косташ¹, Е.Н. Ликий²

¹ старший преподаватель, ² студент

Приднестровский государственный университет
имени Т.Г. Шевченко (Тирасполь) Приднестровье, Молдова

***Аннотация.** Статья посвящена вопросу роли тэглайна в рекламной кампании англоязычных художественных фильмов и способам актуализации тэглайнов, которыми являются языковые девиации и параллелизм, выражающиеся на всех языковых уровнях.*

***Ключевые фразы:** тэглайн, языковая актуализация, девиация, параллелизм.*

В современном мире невозможно представить жизнь без рекламы. Динамично развиваясь, она проникла во все сферы деятельности человека. Ни один продукт, товар или услуга не могут претендовать на успех и высокий спрос без качественно проведенной рекламной кампании. Реклама не обошла стороной также и киноиндустрию. Говоря о тесной связи рекламы и кино, о важности рекламной кампании для новых фильмов, мы прежде всего имеем ввиду западную киноиндустрию. Именно на западе рекламе кино придают особое значение, подключая к процессу её создания и организации специалистов различных областей. Внимание лингвистов привлекает текст рекламы, представляющий одну из самых важных её частей, но являющийся на сегодняшний день недостаточно изученным. Рекламный текст состоит из нескольких компонентов, и одним из самых важных является тэглайн.

Тэглайн (короткая фраза или набор слов, относящийся к бренду, продукции или к его рекламной кампании) является важной частью рекламной кампании фильма. Тэглайны к англоязычным фильмам уже долгое время популярны: их рекламная кампания обязательно сопровождается тэглайном, который, к тому же, может быть не единственным для этого фильма; о тэглайнах пишутся статьи и снимаются репортажи, где представляют подборки тэглайнов по различным критериям; люди, интересующиеся кино, запоминают и цитируют тэглайны к любимым фильмам, а также участвуют в различных квизах/конкурсах на знание тэглайнов.

Ключевая цель тэглайна – привлечение внимания потенциального зрителя – в большинстве случаев достигается применением языковой актуализации (художественного средства, изменяющего привычный способ представления информации). Актуализация применяется на любом языковом уровне и достигается посредством создания девиации языковой нормы или параллелизма в части текста.

Мы рассмотрели вопрос особенностей языковой стороны англоязычного тэглайна, касающийся его языковой актуализации, основываясь на классификации девиации и параллелизма Кристианы Грегориу, современного британского лингвиста. Согласно этой классификации, различают следующие виды лингвистической девиации: семантическая, лексическая, фонологическая, девиация исторического периода, грамматическая, дискурсивная, графологическая. Виды параллелизма: синтаксический, семантический, лексический, фонологический.

Наиболее часто в англоязычных тэглайнах к фильмам встречаются **грамматические девиации**, воплощающиеся на синтаксическом уровне в виде парцелляции, неполных предложений и особенностей пунктуации. Особенностью пунктуации является многоточие,

указывающее на то, что у написанного в тэглайне есть продолжение и таким образом создающее интригующий эффект в тэглайне. (*'Melvin was a 90 lb. weakling until nuclear waste transformed him into a...'* *The Toxic Avenger*, 1985). Парцелляция применяется для выделения информации, к которой необходимо привлечь внимание потенциального зрителя (*'A romantic comedy. With zombies'* (*Shaun of the Dead*, 2004). Удачный тэглайн должен быть лаконичным и кратким, для достижения этого используются неполные и односоставные предложения (*'On the air. Unaware'* *The Truman Show*, 1998).

Семантическая девиация также является популярным способом при создании тэглайна. Такой способ достижения актуализации является весьма эффективным, так он делает текст оригинальным, а, следовательно, привлекающим внимание и запоминающимся. Приведём примеры наиболее применяемых приёмов создания семантической девиации в тэглайнах. Так, в тэглайне *'In 1959 a lot of people were killing time. Kit and Holly were killing people'* (*Badlands*, 1973) на основе использования переносного и буквального значения глагола 'to kill' применяется приём зевгмы. В тэглайне *'The true story of a real fake'* (*Catch Me If You Can*, 2002), на основе совмещения слов с противоположными значениями «настоящего» и «поддельного» в словосочетании 'real fake', создается оксюморон. Сравнивая остров, испепеляющийся в фильме вулканом, с жарящимся тостом, в основу тэглайна *'The coast is toast'* (*Volcano*, 1997) была положена метафора. Однако самым популярным приёмом здесь является каламбур, который чаще всего создаётся на основе многозначности слова, как в тэглайне *'See it with a bud'* (*Dazed and Confused*, 1993), где 'bud', помимо значения «почка, бутон» имеет также сленговое значение «друг, приятель» (от 'buddy') и даже может иметь отношение к наркотикам, так как 'bud' на сленге означает ещё «марихуана». Другим способом создания каламбура в тэглайне является замена созвучных слов в привычных словосочетаниях, как, например, в тэглайне *'Lights. Camera. Abduction'* (*Hail, Caesar!* 2016), где вместо ожидаемого 'Light. Camera. Action' появляется неожиданное 'Abduction' (похищение). Также каламбур в тэглайнах часто строится на употреблении неожиданного слова в контексте. Так, слово 'seafood' в тэглайне *'A tale of murder, lust, greed, revenge, and seafood'* (*A Fish Called Wanda*, 1988) кажется явно неуместным в ряду перечисленных слов, объединённых тематикой злодеяний.

Особым способом актуализации в тэглайнах является **графологическая девиация**, которая привлекает внимание зрителя визуально с помощью изменения шрифта (*'A FRIGHTENING movie with a sense of FUN!' Alligator*, 1980) и использования различных знаков (*'They just *beep* with the wrong Mexican'*, *Machete*, 2010).

При **дискурсивной девиации** оригинальность, привлекающая зрителей, заключается в том, что тэглайн принимает отличную от привычной для него форму и напоминает какой-либо другой текстовый жанр. В следующем примере тэглайн по своей форме напоминает официальное предупреждение либо уведомление о надвигающейся угрозе: *'People of Earth, your planet is about to be destroyed. We're terribly sorry for the inconvenience'* (*TerrorVision*, 1986).

Лексические девиации в тэглайнах применяются достаточно редко, что можно объяснить нежелательностью использования в контексте тэглайна новых, неизвестных широкому кругу зрителей, слов, окказионализмов, так как лучше запоминаются тексты, содержащие привычные и знакомые слова. Примером является использование французского слова 'deux' в тэглайне *'Just deux it!'* (*Hot Shots! Part Deux*, 1993).

Как и предыдущий вид девиации, **девиация исторического периода**, используется редко и заключается в употреблении архаических слов и словоформ, как, например, в тэглайне *'How do I loathe thee? Let me count the ways'* (*10 Things I Hate About You*, 1999), где употреблено устаревшее слово 'thee' (тебя).

К **фонологическим девиациям** в тэглайнах относится непрямая ономастопея, примером чего является тэглайн *'They're tobacco chewin', gut chompin', cannibal kinfolk from hell!'* (*Redneck Zombies*, 1987), где с помощью ономастопеи создается образ жевания и чавканья с помощью звуков [tʃ] и [t].

Параллелизм как способ актуализации в тэглайнах чаще всего используется на **синтаксическом уровне**, что объясняется выгодным для создателей тэглайнов соотношением простоты и эффективности приёма. Проявляется этот приём в создании рядов однородных членов предложения (*Four Days, Three nights, Two Convertibles, One City* 'Fear and Loathing in Las Vegas, 1998), а также в употреблении нескольких предложений со сходной структурой, причём преимущественно предложения являются неполными (*'Invisible. Silent. Stolen'* *The Hunt for Red October, 1990*), в то время как параллелизм в полных предложениях встречается гораздо реже (*'Music was his passion. Survival was his masterpiece'* *The Pianist, 2002*).

Лексический параллелизм также является достаточно популярным способом актуализации тэглайнов, так как с его помощью можно обратить внимание зрителя на ключевые слова. Такой вид параллелизма создают повторы слов, относящиеся к различным частям речи. Например, в тэглайне *'Be afraid. Be very afraid'* (*The Fly, 1986*) повтор прилагательного *'afraid'* в составе составного именного сказуемого, также стоящего в форме повелительного наклонения, эффективно привлекает внимание зрителя, интригуя его.

Фонологический параллелизм в тэглайнах используется не часто, из-за специфики создания встречается в виде рифмы и аллитерации. Рифма, как например, в тэглайне *'From zero to hero'* (*The Mask, 1994*), где рифмуются слова *'zero'* и *'hero'*, помогает легко воспринимать и воспроизводить текст. Аллитерация – хороший способ создать и передать образ того, о чём говорится в тексте. В тэглайне *'Which witch is which?'* (*Wicked Stepmother, 1989*) аллитерация звука [tʃ] создаёт эффект шёпота, тайны, что подкрепляет смысл слов, подобранных автором.

Семантический параллелизм в тэглайнах представлен антитезой. В тэглайне *'Science created him. Now Chuck Norris must destroy him'* (*Silent Rage, 1982*), например, словами с антонимичным значением являются глаголы *'to create'* (создавать) и *'to destroy'* (уничтожать).

Таким образом, для создания тэглайна, соответствующего всем требованиям, используются различные способы языковой актуализации, среди которых самыми популярными, как мы выяснили в ходе исследования, являются семантическая и грамматическая девиации и синтаксический и фонологический параллелизм.

Результаты исследования, представленные в данной статье, имеют теоретическую и практическую значимость, так как могут быть использованы для дальнейшего изучения поднятой проблемы, а также заинтересуют широкий круг читателей, интересующихся кино.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Altadonna, N. Types of Taglines / N. Altadonna, 2015. – <http://www.batesmeron.com/>
2. Cook, G. Discourse and literature / Cook, G. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 285 p.
3. Burke, M. The Routledge Handbook of Stylistics / M. Burke. – London: Routledge, 2014. – 558 p.
4. <http://www.imdb.com/>

Материал поступил в редакцию 01.11.17.

MEANS OF FOREGROUNDING OF TAGLINES FOR ENGLISH FICTIONAL FILMS

L.L. Kostash¹, E.N. Lichii²

¹ Senior Lecturer, ² Student

Taras Shevchenko Transnistria State University (Tiraspol) Transnistria, Moldova

Abstract: *This article deals with the issue of tagline's role in the advertising campaign of English fictional films and to the means of the foregrounding of the taglines, which are linguistic deviations and parallelism on every linguistic level.*

Keywords: *tagline, linguistic foregrounding, deviation, parallelism.*

УДК 1751

ХРОНОТОП ВОРОТ В ПОВЕСТИ КРИСТЫ ВОЛЬФ «КАССАНДРА»

Виктория Перес, доктор наук о языке, исследователь
Заслуженный Автономный Университет Штата Пуэблы, Мексика

Аннотация. Статья посвящена анализу построения хронотопа ворот в повести о троянской принцессе Кассандре. Для этого рассматривается взаимоотношение временных и пространственных структур, вовлечённых в построение данного художественного концепта. В работе аргументируется, что хронотоп ворот имеет дихотомическую сущность, которая позволяет рассматривать его как поэтический элемент, используемый писательницей с целью создания сложной нарративной структуры повествования.

Ключевые слова: хронотоп, повесть, Львиные Ворота, порог.

Одноимённая повесть о пророчице Кассандре, принадлежащая перу известной немецкой писательницы Кристи Вольф, вышла в свет в 1983 году и сразу же привлекла к себе внимание не только литературных критиков, историков, но и гендерных исследователей. Такой интерес обусловлен тем, что о событиях Троянской войны, описанных ещё Гомером в Илиаде, читатель узнаёт из уст женщины, служительницы храма Аполлона в Илионе, которая и является главной героиней повествования. В отличие от других литературоведов, склонных оценивать жанр вольфовского произведения как повесть-монолог или роман-миф, нам представляется более целесообразным рассматривать его как монолог-воспоминание (*memory monologue*) [5], характеристики которого были описаны американским нарратологом Доррит Кон в её ставшей уже классической книге *Прозрачные сознания*. Именно феноменом памяти, ведущего к череде воспоминаний, материализующихся посредством нарративного акта, можно объяснить сложную нарративную структуру *Кассандры*. Рассмотрим вначале замысловатое переплетение временных и пространственных пластов, которым писательница начинает свой роман, с тем, чтобы впоследствии определить, каким образом *ab initio* историческое время и время человеческой жизни сгущаются, образуя хронотоп, который по мнению Бахтина [1] способствует развёртыванию сцен в романе.

Рассказ начинается всеведущий повествователь (*omniscient narrator*), который используя третье лицо прошедшего времени и употребляя пространственные и локализационные дейксисы, произносит: «Это было здесь. Там стояла она» [2, с. 5]. Позже, упоминание каменных львов позволит читателю понять, что речь идёт о Микенских Львиных Воротах, а вот на что указывает ролевой дейксис, станет известно только через несколько страниц: она – это дочь троянского царя Приама и Гекубы. Итак, Кассандра была здесь и тогда. Сразу же после этого читатель переносится в настоящее: «Вблизи – сложенные циклопами стены, *сегодня, как вчера*, указывающие путь» [2, с. 5]. В следующем абзаце *narrative voice* переходит главной героине, которая, находясь всё у тех же Львиных Ворот в Микенах, владеет им до самого конца своего повествования.¹ Таким образом, в начале повести уже наблюдается переплетение различных исторических времён в одной и той же точке пространства, а именно у Микенских Ворот, в результате чего, с артистической точки зрения, время становится видимым и его ход просматривается в изменениях, произошедших с Львиными Воротами. Находясь рядом с ними, всеведущий рассказчик комментирует читателю: «Эти каменные львы, *ныне безголовые*, смотрели на неё. Последнее, что она видела, – крепость, *когда-то* непобедимая, *груда камней ныне*» [2, с. 5]. В литературном тексте такое слияние прошлого и настоящего с одной стороны и нерасчленённость времени и пространства с другой приобретает форму хронотопа, то есть такой абстрактной категории, которая получает своё название благодаря

тем повторяющимся мотивам произведения, как, например, узнаваемые и конкретные локализации [1]. В случае «Кассандры» таким хронотопом являются ворота, у которых рассказ не только берёт свой исток, но которые ещё и способствуют его нарративному построению.

Находясь на границе городов, для своих жителей, Скейские Ворота в Трое и Львиные Ворота в Микенах разделяют пространство на внутренне и внешнее и одновременно являются местом, через которое можно попасть внутрь полиса. Для персонажей монолога Кассандры пройти через ворота в город означает достичь конца пути, для тех же, кто из них выходит, похождения только начинаются. Несмотря на это, не все горожане имеют право свободно пересекать границу городов – ворота. В этом можно убедиться, обратившись к эпизоду, когда Кассандра со своими братьями возвращается в Троию после посещения греческого лагеря, расположенного у Троянской Стены. Проходя через Скейские Ворота, их задерживает стража и ведёт в душную крепостную башню с тем, чтобы их обыскать и зарегистрировать их имена. В данном случае, ворота перестают быть пассивным элементом, входящим в структуру Стены, и превращаются в механизм отбора для идентификации тех, кому вход в город разрешён, и тех, кому нет.

Ворота также являются как символом победы, так и знаком поражения. Прежде чем перейти к анализу этого аргумента, уместно вспомнить, что на латыни слово ворота (или двери) означает *janua*, которое этимологически восходит к имени одного из самых древнейших богов Рима, Януса. Он считался покровителем ворот и на небеса и на землю, благодаря чему его изображали держащим в правой руке огромные ключи, которыми закрываются ворота в старый год и открывается вход в год новый. Ещё его называли двуликим и в «Фастах I» Овидий описывает его следующим образом:

125 Кроткие Оры при мне вратами ведают неба,
Даже владыке богов вход я и выход даю.
Янус поэтому я. Когда же мне жрец преподносит
В жертву полбенный хлеб, с солью его замесив
(Ты улыбнешься), тогда «Отворителем» я называюсь

130 Или, по слову жреца, имя «Затворщик» ношу.
Сменою действий моих объясняются эти названья,
Так называли меня по простоте в старину.
Силу свою я открыл; теперь объясню и обличье, —
Правда, отчасти его ты уже видишь и сам.

135 В каждой двери ведь есть и одна сторона, и другая,
Та сторона на народ, эта на Ларов глядит,
Так что и в доме привратник, у самого сидя порога,
Видит того, кто вошел, видит того, кто уйдет.
Точно так же и я, привратник двери небесной,
Видеть могу и Восток, видеть и Запад могу [4].

Считалось, что сила Януса была такова, что прошение к какому-либо другому боже-ству должно было начинаться именно обращением к нему, богу всякого начала. Свидетельством того, что Янус был богом дверей и ворот является и святилище, названное в его честь и имеющее вид двух ворот, соединённых между собой двумя высокими стенками. Через это святилище проходили римские войска, выступавшие на войну, после чего, до самого окончания военных действий, вход оставался открытым [3].

Возвращаясь к вольфовскому тексту, который в этом конкретном случае полностью созвучен с официальной версией падения Трои, можно продолжить, что Скейские Ворота не являлись исключением. В монологе пророчицы присутствуют воспоминания о том, как спустя десять лет после начала блокады города, греки наконец поняли, что защищающая его стена для них непреодолима. То, что произошло потом, было неоднократно описано

в различных текстах, начиная с Гомера: огромный деревянный конь со спрятанными внутри него врагами был с почестями доставлен внутрь города самими же троянцами, после чего, выбравшиеся из него ночью эллины разрушили столицу троянского государства дотла. В результате этой военной хитрости и благодаря предательству греческого шпиона Синона, ворота перевоплощаются в брешь, появившуюся в стойкости и бдительности защитников города. Как утверждает дочь Приама, «Конец войны стоил её начала: постыдный обман» [2, с. 125].

Троя пала и оставшиеся в живых пленённые троянцы плывут на корабле Агамемнона в Микены. Для всех них Микенские или Львиные Ворота символизируют не только конец пути, но и порог, за которым их ждёт много неизвестного, чужого и враждебного. Для Кассандры, знающей каким будет её конец, порог воплощает ещё и смерть, ведь дар предвидения уже давно представил её сознанию картину, где Клитемнестра вместе со своим любовником Эгистом лишают жизни и её и микенского царя – «Язык будущего для меня состоит из одной только фразы: меня убьют сегодня... когда я пройду через эти ворота, я буду всё равно что мертвая» [2, с. 15-16]. В этой наполненной эмоциями сцене явно ощущается присутствие бахтинского хронотопа порога [1], который метонимически связан с рассматриваемым нами хронотопом ворот. Бахтин указывает на жизненный кризис и на важный перелом в состоянии героя как на один из значащих мотивов хронотопа порога. В нём время окрашено неотвратимостью надвигающихся событий, это время, которое застывает, не движется и поэтому выпадает из своего нормального течения. Таким образом, порог, как одно из слагаемых ворот, является тем моментом, когда кризис ещё не наступил, но уже неизбежен и поскольку жрица с самого начала своего меморативного монолога осведомлена о своей смерти здесь, в Микенах, для неё ворота фигурируют ещё и как черта, разделяющая её уже несуществующую родину, Трою, и дворец Агамемнона, который метонимически символизирует так нелюбимую её Грецию.

Во временной структуре событий, вовлечённых в хронотопические отношения в анализируемой повести Вольф, невозможно не упомянуть эпизода, связанного с гибелью младшего брата Кассандры, Троила, убитого Ахиллом в первый же день войны. Перед смертью она вспоминает, что доверившись обещаниям Гектора, что ни один грек не ступит на троянскую землю, она осталась в храме Аполлона даже тогда, когда эллины прорвали оборонительную полосу. Наблюдая за развитием событий из святилища, она заметила, как преданные Ахиллу люди погнались к нему, как дичь к охотнику, семнадцатилетнего Троила. Мальчик принял вызов и стал бороться, придерживаясь правил благородного поединка. Получив удар мечом, юноша бросился искать убежища в храме Аполлона, поскольку ни один из греков не решился бы на него посягнуть. Братья уже решили, что они спасены, как вдруг «вошёл Ахилл, скот. Убийца вошёл в храм, в храме потемнело, когда он стал в дверях. [...] враг, чудовище, поднял перед статуей Аполлона свой меч и отделил голову моего брата от туловища. Человеческая кровь хлынула на алтарь, как кровь наших жертвенных животных» [2, с. 70]. Ощущение защищённости, испытанное детьми Приама в священном месте, было связано со знанием предписанных культом процедур, согласно которым никто не мог войти не только в храм, но и в другие святые зоны без предварительно реализованных обрядов очищения [6]. Из выше изложенного можно заключить, что дверь в храм выполняет функцию барьера между двумя мирами: один внутренний или священный и другой – внешний или профанный. Как утверждает Хюбнер, слово профанный на латыни означает храм (*fanum*), от которого происходит *pro-fanum*, указывающее на всё то, что находится за пределами храма [6].

Таким образом, хронотоп ворот является важным композиционным элементом повести «Кассандра», обрамляющим интригу меморативного монолога главной героини и определённым образом объясняет особенности пространственно-временной структуры произведения. Несмотря на то, что многие нарративные события сюжета, ассоциирующиеся с хронотопом ворот или дверей, остались за рамками этого анализа, нам удалось показать, что функции данного сюжетного мотива распространяются ещё и на построение образов персонажей, акцентируя их эмоциональные и ценностные качества.

Примечание

¹ На протяжении всей повести (123 страницы текста) Кассандра находится в повозке, в которой её, как пленницу, доставшуюся Агамемнону после падения Трои, доставили в Микены, у входа в который пророчица ждёт распоряжений Клитемнестры. Согласно приказу этой ревнивой супруги микенского царя, служительницу Аполлона проведут через ворота в город и убьют. Во время ожидания воспоминания неотступно сопровождают Кассандру: картины из детства сменяются образами женщин, которые окружали её на горе Ида, не успев поведать обо всём, чем занимались троянки вдали от полиса, память уносит героиню к событиям блокады своего родного города, к истокам конфликта с греками. Эта хронологичность и обрывочность рассказа Кассандры, как это обычно происходит, во время наррации с целью соблюдения когерентности повествования, а полностью отдаёт себя во власть воспоминаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин, М. Литературно-критические статьи / М. Бахтин. – М.: Художественная Литература, 1986. – 544 с.
2. Вольф, К. Кассандра. Медея. Летний этюд / К. Вольф. – М.: Изд-во Олимп, 2001. – 447 с.
3. Кун, Н. Легенды и мифы Древней Греции и Древнего Рима / Н. Кун. – ЛитРес, 2017. – 502 с.
4. Овидий, П. Элегии и малые поэмы / П. Овидий. – М.: Художественная Литература, 1973. – 405 с.
5. Cohn, D. Transparent Minds. Narrative Modes for Presenting Consciousness in Fiction / D. Cohn. – New Jersey, Princeton University Press, 1983. – 331 с.
6. Hübner, K. La verdad del mito / К. Hübner. – México: Siglo XXI, 1996. – 434 с.

Материал поступил в редакцию 02.11.17.

CHRONOTOPE OF GATE IN THE CASSANDRA STORY BY CHRISTA WOLF

Victoria Pérez, Doctor of Philological Science, Researcher
Meritorious Autonomous University of Puebla, Mexico

Abstract. *In this article we analyze the creation of gate chronotope in the story about the Trojan princess Cassandra. For this purpose the relationship between the temporary and spatial structures involved in construction of this artistic concept is considered. In this paper we argue that the chronotope of gate has dichotomous nature, which allows considering it as the poetic element used by the writer to compose the complex narrative structure of narration.*

Keywords: *chronotope, story, Lion Gate, doorstep.*

УДК 372.881.1

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Е.А. Пореченкова, кандидат педагогических наук, доцент
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия

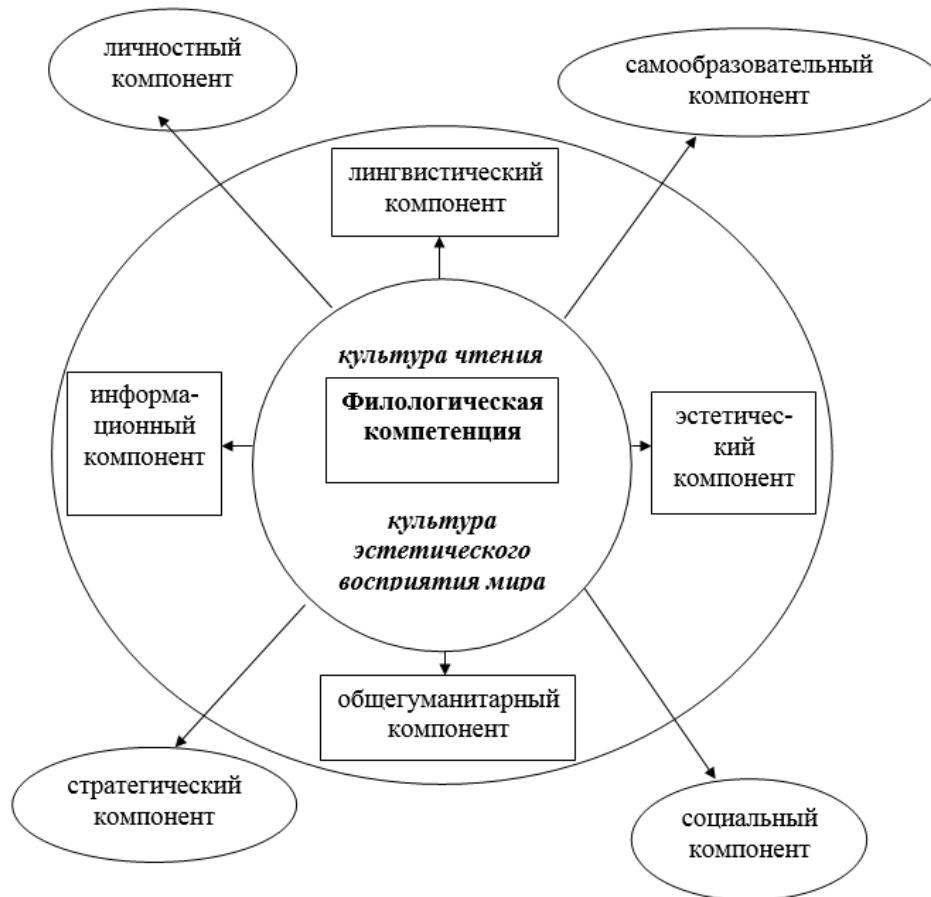
***Аннотация.** Данная статья посвящена описанию модели формирования филологической компетенции, которая является обязательным компонентом языкового образования. Анализ компонентов данной компетенции позволяет сделать вывод о том, что можно включать в содержание обучения. В статье предлагается рассмотреть содержание филологической подготовки на примере базового уровня филологической компетенции, что даёт представление о междисциплинарной основе, необходимой для развития у учащихся готовности применять весь комплекс своих знаний и умений для решения различных учебных и профессиональных задач.*

***Ключевые слова:** филологическая компетенция, языковая подготовка, модель, содержание обучения, работа с текстами, создание текстов, качества личности.*

В настоящее время эффективность языкового образования определяется не только объемом знаний, навыков и умений, но и тем, насколько человек, изучающий тот или иной иностранный язык, готов к реальному взаимодействию на этом языке в различных ситуациях. Следовательно, язык должен рассматриваться не только как объект изучения, но и как средство самостоятельного осуществления познавательной деятельности и приобретения знаний, навыков и умений в других сферах деятельности. Важно отметить, что успех в решении коммуникативных задач на иностранном языке зависит в большой степени от уровня филологической компетенции участников общения, которую следует рассматривать как один из важнейших компонентов языковой подготовки. В связи с этим возникает вопрос о том, каким образом обеспечить формирование данной компетенции в процессе обучения иностранным языкам.

Для этого необходимо в первую очередь уточнить, что филологическая компетенция объединяет культуру чтения на родном и иностранном языке/иностраннных языках и культуру эстетического восприятия действительности. Формирование данной компетенции обеспечивается совокупностью *знаний*, полученных из определённых лингвистических и гуманитарных наук, *духовных качеств личности* (норм поведения, нравственных идеалов), *умений* применять полученные филологические знания и навыки в реальной жизни, *информационной культуры*, *способности к творчеству*, *навыков самостоятельной работы*, *способности к эстетическому восприятию действительности*.

Культура чтения и культура эстетического восприятия мира с одной стороны формируются на основе определённых компонентов филологической компетенции, которые показаны на схеме, представленной ниже, а с другой стороны сами служат основой для формирования всех её компонентов.

Компоненты филологической компетенции

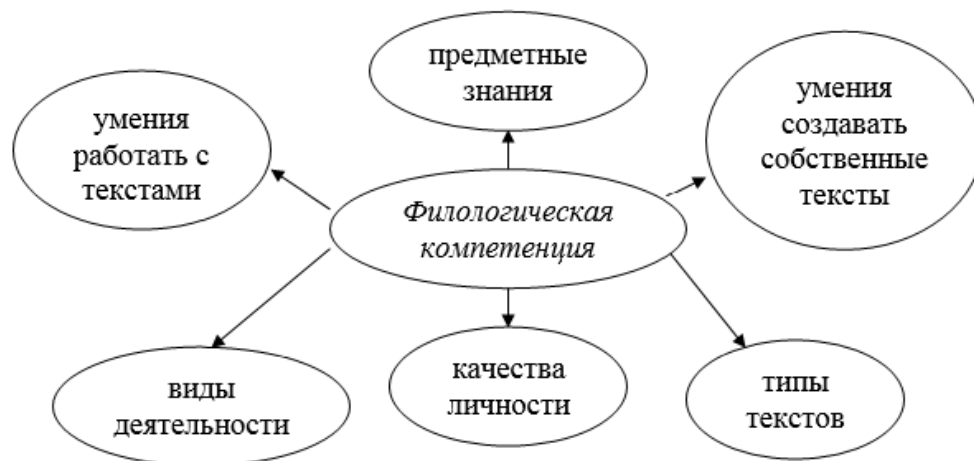
Формирование культуры чтения и культуры эстетического восприятия мира неразрывно связано с формированием лингвистического, общегуманитарного, информационного и эстетического компонентов. Способность к критическому усвоению текста базируется на фонетических, лексических, грамматических и стилистических навыках и умениях, обеспечивающих грамотное владение языком (**лингвистический компонент**). Работа с текстами также требует широкой эрудиции, которая позволяет воспринимать окружающий мир как единство разнообразных составляющих и формируется благодаря изучению филологических дисциплин (языкознание, литературоведение и др.) и других гуманитарных наук, например, истории, страноведения, культуроведения и др. (**общегуманитарный компонент**). **Информационный компонент** предполагает сформированность информационной культуры, позволяющей использовать новейшие информационные технологии в процессе учёбы и научно-исследовательской работы. **Эстетический компонент** заключается в наличии способности к творчеству и эстетическому восприятию действительности, предполагающей увлечённость различными видами искусства (художественной литературой, музыкой, живописью, театром, киноискусством, народным творчеством). Данные компоненты составляют ядро филологической компетенции, создавая основу для формирования и развития культуры чтения и культуры эстетического восприятия мира независимо от дальнейшей специализации. Они необходимы уже на самых ранних этапах филологической деятельности (во время учёбы в школе и затем в вузе). Однако филологическую компетенцию нельзя считать полностью сформированной без периферийных компонентов, т.е. **личностного компонента**, включающего духовные качества личности, нормы поведения, нравственные идеалы, осознание общечеловеческих ценностей; **социального компонента**, предполагающего готовность работать с людьми любого возраста и социального положения, соблюдая нормы культурной этики,

а также выбирая доступный и понятный конкретной аудитории способ изложения мысли; **самообразовательного компонента**, предусматривающего наличие навыков самостоятельной работы и осознание необходимости постоянного самообразования в области филологии и других наук; **стратегического компонента**, т.е. наличия умений применять полученные знания из различных областей в реальной жизни для решения разнообразных коммуникативных задач.

Содержание учебного процесса определяется уровнем филологической компетенции, которого необходимо достигнуть учащимся в зависимости от цели обучения и характера их дальнейшей деятельности. В связи с этим представляется целесообразным выделить три основных уровня филологической компетенции: **базовый**, дающий выпускникам школ и учащимся неязыковых вузов возможность использовать иностранный язык в своей профессиональной деятельности и продолжать языковое образование; **узкий филологический**, предусматривающий глубокие знания, которые позволяют работать в узко-профессиональной сфере филологических исследований; **широкий филологический**, направленный на подготовку педагогов-филологов, которые кроме высокого уровня владения иностранным языком должны обладать широкой филологической эрудицией, обеспечиваемой межпредметными связями.

Анализ особенностей процесса формирования филологической компетенции выявляет необходимость определить структурные элементы модели филологической компетенции, описание которых позволит более чётко представить, что должно быть включено в филологическую подготовку в ходе изучения иностранных языков. Набор структурных элементов данной модели остаётся неизменным на любых уровнях филологической компетенции, меняется только их содержание.

Модель филологической компетенции

В качестве примера рассмотрим содержание элементов данной модели на базовом уровне филологической компетенции, который является обязательным для всех, кто изучает иностранные языки. Формирование *предметных знаний* в период школьного образования обеспечивается изучением целого ряда дисциплин, к которым относятся русский язык, литература, иностранный язык, изобразительное искусство, музыка, история, обществознание, география, мировая художественная культура. Такая подготовка позволяет овладеть необходимым объёмом знаний гуманитарно-эстетического характера и создать основу для развития других компонентов модели филологической компетенции, в частности умений *работать с текстами различных типов*. В первую очередь выпускники школ должны иметь представление о приёмах работы с учебными текстами, но для дальнейшей учебной и профессиональной деятельности им также необходим набор умений, обеспечивающих восприятие и интерпретацию следующих типов текстов: аутентичные художественные и научно-популярные;

фольклор (сказки, мифы, легенды); аутентичные публицистические (статьи, интервью, письма читателей, материалы опросников и анкет, викторины, репортажи, отзывы о различных культурных событиях); официально-деловые (документы, официальные письма); прагматические (инструкции, рецепты, статистические данные); информационно-справочные; высказывания цитатного характера; рекламные объявления, проспекты; объявления, надписи-предостережения в общественных местах. В связи с этим необходимо формирование следующих *умений работать с текстами*:

1. Умения осуществлять информационно-смысловой анализ текста для понимания его основного содержания (умение определять тему, основную мысль, замысел автора; умение выделять главные факты, опуская второстепенные; умение соотносить средства выражения и коммуникативного намерения говорящего/пишущего; умение устанавливать логическую последовательность основных фактов текста; умение определять структурные компоненты текста; умение осуществлять отбор значимой информации в тексте/ряде текстов для решения учебных или профессиональных задач.).

2. Умение критически оценивать полученную информацию (её достоверность, важность и новизну).

3. Умение определять вид и жанр текста.

4. Умения интерпретировать лингвистические и культуроведческие факты в тексте (умение осуществлять анализ языковых трудностей текста; умение осуществлять поиск и выделение в тексте новых лексических средств; умение раскрывать причинно-следственных связей между фактами; умение сравнивать и сопоставлять факты, произведения, героев, этапы развития, родную и иностранную культуру; умение предвосхищать возможные события/факты; умение понимать контекстуальное значение языковых средств, отражающих особенности иной культуры и т.д.).

5. Умения использовать смысловую переработку текста (языковую догадку, анализ, выборочный перевод, прогнозирование содержания текста по его заголовку и/или началу).

6. Умение использовать текстовые опоры различного рода (сноски, комментарии, схемы, таблицы).

7. Умение извлекать необходимую информацию из источников, созданных в различных знаковых системах (текст, таблица, график, диаграмма, аудиовизуальный ряд и др.).

8. Умение осуществлять поиск (проверку) необходимой информации в словарях, энциклопедиях, библиотеках, электронных ресурсах.

Очевидно, что базовый уровень филологической компетенции может считаться сформированным только при наличии *умений создавать собственные тексты*, к которым можно отнести:

1. Умение создавать, именовать, сохранять и архивировать собственную информацию.

2. Умение создавать текст на компьютере с использованием таблиц и изобразительной наглядности, сканировать изображение, использовать цифровые фото/видео аппаратуру.

3. Умение упорядочивать информацию по алфавиту и числовым параметрам (возрастанию и убыванию).

4. Умения структурировать текст (нумеровать страницы, использовать списки, ссылки, оглавления, колонтитулы, указатели, адреса и т.д.).

5. Умение переводить информацию из одной знаковой системы в другую (из текста в таблицу, из аудиовизуального ряда в текст и др.).

6. Умение создавать письменные и устные произведения, передающие прослушанную и прочитанную информацию в определённом объёме (кратко, выборочно, полно).

7. Умение обобщать информацию, фиксировать содержание сообщений.

8. Умение перефразировать мысль (объяснить «иными словами»).

9. Умение представить в устной или письменной форме результаты своей деятельности (создание презентаций, планов, тезисов, текстов выступлений).

10. Умения выражать своё мнение, обосновывать суждения, давать определения,

приводить доказательства и примеры, выбирать выразительные средства языка, формулировать аргументы и выводы в соответствии с коммуникативной задачей, сферой и ситуацией общения.

11. Умение сообщать/запрашивать информацию.

12. Умение интерпретировать языковые средства, отражающие особенности иной культуры.

13. Умение использовать мультимедийные ресурсы и компьютерные технологии для обработки, передачи, систематизации информации, создания базы данных, презентации результатов познавательной и практической деятельности.

14. Умения редактировать тексты.

Все перечисленные умения работать с текстами и создавать собственные тексты необходимы для осуществления *познавательной деятельности*. Однако уже на базовом уровне учащимся необходимо выработать определённые приёмы *информационно-коммуникативной деятельности*, которая предполагает выбор необходимых способов работы с текстом в зависимости от поставленной цели/задачи, использование необходимых видов публичных выступлений и правил ведения диалога, работу с различными источниками информации, использование различных ресурсов и технологий для работы с информацией.

И, конечно, нельзя недооценивать значимость качеств личности обучаемых, формирование которых на должном уровне обеспечивает успешное развитие вышеперечисленных умений. Следует отметить, что описание качеств личности является достаточно сложной задачей, так как каждому человеку присущи свои уникальные и часто неповторимые особенности. Однако представляется целесообразным выделить минимальный набор *качеств личности*, без которых невозможна филологическая деятельность. Очевидно, что успех в изучении языка во многом зависит от мотивации к обучению, а также готовности к самостоятельной организации учебной деятельности (постановка цели, планирование, определение оптимального соотношения цели и средств и т.д.) и интереса к решению творческих задач (самостоятельно составлять план действий, проявлять оригинальность при решении творческой задачи, создавать творческие работы (сообщения, сочинения), разыгрывать воображаемые ситуации). К основополагающим качествам личности также можно отнести стремление к учебному сотрудничеству (умение договариваться, распределять работу, оценивать свой вклад и общий результат деятельности); дружелюбное отношение к представителям разных культур, социальных групп; сформированность устойчивого интереса к искусству, к художественным традициям своего народа и достижениям мировой культуры; стремление приобщиться к ценностям мировой культуры через различные источники информации, через участие в школьных и студенческих обменах, туристических и экскурсионных поездках, молодёжных форумах и т.д.; интерес к ознакомлению с произведениями искусства.

Следует отметить, что содержание базового уровня филологической компетенции является основополагающим для формирования профессионально-педагогического и специализированного уровней. Переход на два последних уровня (поэтапно, т.е. с базового уровня на профессионально-педагогический, а затем на специализированный или независимо, т.е. с базового на профессионально-педагогический или с базового на специализированный) возможен только после прохождения первого уровня филологической подготовки. Кроме того, качества личности, предметные знания, навыки и умения работы с текстами, формируемые на начальном уровне могут полностью или выборочно применяться в работе преподавателей иностранных языков и филологов-языковедов, поэтому необходимость работы со специфическими типами текстов не исключает обращения названных специалистов к текстам, изучаемым на начальном уровне.

Очевидно, что формирование филологической компетенции должно быть обеспечено качественными и высокоэффективными средствами обучения. Примером этого служит модель контроля филологической компетенции, предлагаемая в данной работе, так как она создаёт условия для комплексной филологической подготовки, соединяя разрозненные знания и умения в единое целое и обеспечивая готовность пользоваться ими в дальнейшей учебной и профессиональной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пореченкова, Е.А. Задачи развития филологического образования на современном этапе / Е.А. Пореченкова // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 1. – С. 169-176.
2. Пореченкова, Е.А. Филологическая компетенция как необходимый компонент высшего профессионального образования / Е.А. Пореченкова // Современные вопросы науки – XXI век: Сб. науч. трудов по материалам VII междунар. науч.-практ. конф. (29 марта 2011 г.). – Тамбов: Изд-во Тамбовского областного института повышения квалификации работников образования, 2011. – Вып. 7. – Ч. 2. – С. 106-109.

Материал поступил в редакцию 12.10.17.

MODEL OF PHILOLOGICAL COMPETENCE FORMATION IN PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Ye.A. Porechenkova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Lomonosov Moscow State University, Russia

***Abstract.** This article deals with the description of model of philological competence formation, which is an obligatory component of language learning. The analysis of this competence's components allows to conclude, what is possible to be included in the training content. In this article it is suggested to consider the content of philological training on the example of basic level of philological competence that gives insight into multi-disciplinary basis necessary for development of pupils' readiness to apply whole complex of knowledges and abilities to the solution of various educational and professional tasks.*

***Keywords:** philological competence, language training, model, training content, work with texts, creation of texts, qualities of the personality.*

УДК 811.222.1-119

ПРИРОДА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЭПТОНИМОВ. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА

А.С. Решетова, аспирант

Институт языкознания имени А.А. Потебни (Киев), Украина

***Аннотация.** В статье исследуется природа возникновения этпонимов. Затрагивается вопрос многоаспектности изучения фразеологического фонда украинскими, русскими, а также зарубежными филологами. Раскрывается проблема терминологических различий в разных языках. Изучение предложенных зарубежными авторами терминосистем позволяет сделать вывод об отсутствии унифицированного понятия крылатых выражений / слов.*

***Ключевые слова:** этпоним, «печать авторства», терминосистема, фразеологический фонд, идиоматические единицы.*

Изучение природы и особенностей функционирования культурно маркированных языковых единиц – одна из главных задач современной лингвистики. Нынешнему этапу предшествовал долгий и кропотливый период развития фразеологической мысли.

Важные теоретические рассуждения были высказаны в классических лингвистических трудах известными лингвистами – А.А. Потебня, А.А. Шахматов, Л.А. Булаховский и др. В конце 20-х гг. прошлого века Е.Д. Поливановым было предложено выделить фразеологию как самостоятельную дисциплину [5]. Именно он обратил внимание на своеобразные парадоксы в языкознании, в частности на то, что значение слов изучается двумя разделами языкознания: морфологией и лексикологией, а значение словосочетаний только одним – синтаксисом. По его мнению, этот ряд следовало дополнить фразеологией как наукой о конкретном значении словосочетаний.

Позднее (в 40-50-е гг. XX в.). В.В. Виноградов совершил теоретическое обоснование проблем фразеологии, определил ее объем и задачи, выделил основные понятия.

Третий этап (60-70-е гг.) характеризуется появлением новых фразеологических концепций. В основе большинства из них лежали результаты поиска новых методов исследования, определение дифференциальных признаков фразеологизма, его соотношение со словом и словосочетанием.

Четвертый этап (80-90-е гг.) характеризуется многоаспектностью изучения идиоматического фонда. Появляются отдельные направления: фразеологическая стилистика, фразеологическая этимология, фразеологическая диалектология.

По объективным и субъективным причинам оказались недостаточно изученными целые пласты фразеологического материала. На основе исследования крылатых выражений (далее – КВ) С.Г. Шулежковой были обозначены подход, целью которого является создание теории крылатых слов, где объектом исследования выступают не только устойчивые выражения, но и объединенные фразы, однокомпонентные имена и высказывания.

Фразеологические пределы оказались тесными для КВ, так как использованные методы, которые ориентировались преимущественно на изучение идиом, не могли в достаточной мере определить их лингвистическую природу.

Чертой, отличающей КВ от остальных фразеологических единиц, является наличие / отсутствие «печати авторства». Такой подход требует вывода КВ за пределы «чистой» лингвистики. Одним из решений может стать теория крылатых слов, не ограниченная фразеологическими рамками.

Первые попытки интерпретации исследуемого языкового феномена не раскрывали в полной мере его природы. Толкование термина «крылатые слова» С.В. Максимовым существенно отличалось от концепции, относящейся к классическому (бюхмановскому) аналогу, и не получило достаточной поддержки со стороны других лингвистов. Можно сказать, что в 1930 этот термин был «узаконен» после публикации книги литературоведа С.Г. Займовский «Крылатое слово: Справочник цитаты и афоризма».

Из истории известно, что выражение «крылатое слово» происходит из античных источников. Его автором считается знаменитый Гомер (VIII в. до н.э.), в поэмах которого часто повторяется как образный поэтическое средство оборот *erepa pteroenta* – «слова, взлетающие из уст оратора до ушей слушателя». Известный переводчик И.Г. Фосс в 1781 году воспроизвел это выражение как «*Geflügelte Worte*», что дословно переводится с немецкого как «крылатые слова». Однако свою популярность выражение получило после публикации сборника немецкого филолога Г. Бюхмана «*Geflügelte Worte: Der Zitatenschatz des deutschen Volkes*» («Крылатые слова. Сборник цитат немецкого народа») [8].

Не существует четкого определения понятия «крылатые слова». Приведем некоторые из них. По классической «бюхмановской» дефиниции «крылатое слово» – это «постоянно воспроизводимое в широких кругах словосочетание, выражение или имя любого языка, исторического автора, литературное происхождение которых можно проследить или доказать». Согласно современному определению А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, «Крылатые слова – это разные в структурном отношении сочетания слов, в основном афористического характера, источник возникновения которых (литературное, фольклорное, публицистическое и др.) мыслится как общеизвестное» [2]. В немецко-русском словаре приведено следующее определение: «Крылатые слова – часто используемые точные слова, образные выражения, высказывания исторических лиц, краткие цитаты, имена мифологических и литературных персонажей, ставшие нарицательными, и др.».

Постепенно появлялись и новые термины, такие как: ходячие слова (по М.И. Михельсону), крылатые фразы, крылатые афоризмы, крылатые цитаты, авторские афоризмы (по А.И. Ефимову), фразеогаммы, фразеологические цитаты.

Крылатые выражения как отдельно оформленные единицы оказались противопоставленными крылатым словам – цельнооформленным единицам, повлекшее неоднозначность в интерпретации термина крылатые слова, выступающий теперь как в качестве родового, что применяется в кругу языковых явлений обоих типов, так и в роли видового наименования, соотносится только с последним из них.

Такие противоречия первыми попытались преодолеть А.П. Коваль и В.В. Коптилов, которые считали, что «по строению крылатые слова целесообразно было бы разделить на две группы: собственно «крылатые слова» и «крылатые выражения» [4]. Украинские ученые предложили использовать общее название для обеих групп – «крылатые выражения» [Там же. С. 30]. Однако это предложение не нашло поддержки среди ученых. Зато российский филолог Б.С. Шварцкопф нашел определенный компромисс – в своих работах он использовал термин крылатые слова / выражения [6]. С.Г. Шулежкова вводит термин крылатые единицы [7]. Преимуществом такого термина кажется то, что он воспроизводит структуру видовых наименований.

Вероятно, поиски определения, которое наиболее соответствовало бы требованиям и нашло бы поддержку среди большинства лингвистов, будут продолжаться.

Один из таких вариантов был предложен украинской исследовательницей Л.П. Дядечко – это эпоним [3]. Сама автор обосновывает свою позицию так: «Данный термин предпочтительнее и потому, что свободно включается в деривационные отношения, становясь вершиной словообразовательного гнезда, члены которого предназначены удовлетворить потребности лингвистов в области изучения КС». По нашему мнению, сейчас это является единственным точным термином, который несет в себе «печать авторства». Во-первых, как отмечает автор, этот термин образован по модели, продуктивной в лингвистике. Во-вторых,

он легко вовлекается в деривационные связи, что дало исследовательнице возможность создать целую систему терминообозначений для практического описания таких единиц. Кроме того, были введены в терминосистемы дериваты от слова «эптоним», например:

- ✓ эптонимия (явление сохранения «печати авторства» в семантической структуре слова / выражения);
- ✓ эптонимичный (тот, что есть крылатым);
- ✓ эптонимичность (способность слова / выражения быть крылатым);
- ✓ эптонимика (совокупность эптонимов любого языка);
- ✓ эптонимизироваться (становится крылатым);
- ✓ деэптонимизироваться (терять специфичность крылатого).

Термины (а также их эквиваленты в других языках) еще не являются общепринятыми, однако они уже используются во многих современных публикациях, в том числе и зарубежных.

Эптонимы, принадлежащие к одному источнику (с точки зрения авторства), можно номинировать согласно их происхождению, например, наиболее распространены такие названия, как библеизм, мифологизм, несколько реже употребляются такие, как шекспиризм, пушкинизм и т.д.

Л.П. Дядечко учла также проблему дифференциации различных типов языковых штампов и образований цитатно-афористического характера. КВ или эптонимы – это разноструктурные, культурно маркированные единицы, часто афористического характера, которые образуются в речи при относительном сохранении связи с первоисточником (автором или тестом). Они отличаются от паремий (поговорок и пословиц) генетически (имеют определенного автора), а от цитат и афоризмов – функционально-семантически (широкая применимость, значение, отличное от исходного, часто переносное, образно-символическое) и структурно (их состав, как правило, закреплён и не зависит от воли того, кто их цитирует).

КВ в англосаксонской лингвистике до сих пор не рассматриваются как самостоятельный объект описания: нами не обнаружено ни одной теоретической работы на английском языке, посвященной этой теме. Как результат – КВ, получив в английском языке достаточно широкое распространение, не нашли должного отражения в соответствующих лексикографических изданиях. Они традиционно вводятся в словари цитат, идиом, аллюзий, пословиц и т.д. [Patridge 1985; Farkas 2002; Knowles 2004; Siefring 2004; Shapiro 2006; Stone 2006; Master 2007; The Oxford Dictionary of Modern Quotation 1991]. Такие словари содержат не только подборку наиболее употребляемых выражений известных людей, но и высказывания из песен, фильмов, книг (в частности заголовки) и рекламы. Если КВ в английском языке исследованы мало, то понятие «эптоним» вообще не рассматривается.

Фразеология как направление научных исследований в США и Великобритании возникла значительно позже. До 1960-х годов английская или американская фразеология как лингвистическая дисциплина фактически отсутствовала. Научный подход к проблеме идиоматики в английском языке сводился к отдельным публикациям, научным статьям и т.д. Понятие о фразеологических единицах или идиомах оставалось размытым [1]. В зарубежной лингвистике кроме терминов фразеология и фразеологизм широко используют термины идиоматика и идиома. Идиома или идиоматическое выражение – это предложение, значение которого не может быть выведен из его компонентов [Там же, С. 18].

Первые публикации, посвященные английской идиоматике, были подготовлены такими исследователями: L.P. Smith (1925), W.J. Ball (1958), E. Pattridge (1947). Последний рассматривает выражения с точки зрения стилистики, определяя их как «клише». По мнению ученого, клише могут быть «потрепанные» обороты речи, метафоры, которые потеряли первоначальную остроту. Идиомы считаются неотъемлемой частью всего арсенала речевых клише (Patridge 1947).

Доктор филологических наук А.В. Кунин в книге «Фразеология современного английского языка» систематизировал описание фразеологии современного английского языка.

Автор занимается рядом вопросов, таких, как, например, вариантность и структурная синонимия, зависимость компонентов фразеологических единиц (далее – ФЕ), выделение структурно-семантических классов фразеологизмов и т.д. Конечно, в относительно небольшом по объему тексте нельзя полностью описать такое масштабное явление, как английская фразеология. Автор отмечает, что фразеологизмы в английском языке, как и в других языках, – это произведение народа, проявление его мудрости и лингвистического ощущения. Большинство английских фразеологизмов – литературного происхождения.

Ведущее место в литературных источниках занимает Библия, далее следуют произведения Шекспира. Кроме того, одним из источников пополнения ФЕ – заимствования (прежде всего из латинского и французского языков). А.В. Кунин разделил на группы ФЕ и выделил следующие: фразеологизмы, взятые из сказок, связанные с поверьями, с английскими реалиями, те, что отражают традиции и обычаи английского народа и т.д.

Английские исследователи Ч. Фернандо и Р. Флавелл выделяют четыре типа словосочетаний по степени мотивированности их значений: сочетание с прозрачной структурой, представляют собой свободные сочетания с буквальным смыслом (*to break eggs*), полупрозрачные фразы, значения которых косвенные метафоры (*to add fuel to fire*), фразы из полупрозрачной структурой, значения которых не мотивируются внутренними образами (*to burn one's boats*), закрытые фразы, которые являются собственно идиомами (*to pull one's leg*) [10].

В классификации А.П. Коуи и Р. Маккин учитываются семантические и синтаксические признаки и выделены 4 разновидности идиоматических единиц: собственно идиомы (*to blow the guff*), метафорические идиомы (*to beat one's breast*), полуидиомы (*a blind alley*) и открытые коллокации (*heavy rain*) [9].

Другой известный английский исследователь Ф.Г. Пальмер выделяет собственно идиомы (*idioms*), частичные идиомы (*partial idioms*) и коллокации (*collocations*). По его мнению, использование идиом в языке связано с различными грамматическими и синтаксическими ограничениями. Например, некоторые идиомы могут встречаться только в форме активного состояния (*When I finally kick the bucket, I want to be buried on top of a mountain*). Под частичными идиомами понимаются связные сообщения компонентов с буквальным и переносным значением (*She's made her bed, and turned her back on her own people*). Колокации – словосочетания с различными типами колокационных связей (*She subsequently chaired the executive board of the UN Children's fund*) [12].

Изучение предложенных зарубежными авторами терминосистем позволяет сделать вывод об отсутствии унифицированного понятия крылатых выражений / слов. Широко исследуются специфика идиоматической фразеологии, ее методы и подходы. Однако в одном англоязычном источнике нет упоминания о крылатости слов / выражений, не говоря уже об эптонимичности.

Правда, в работе немецкой исследовательницы Сильвии Яки (*Sylvia Jaki*) «*Phraseological Substitution in Newspaper Headlines: "More than Meats the Eye"*» (2014) отдельный раздел посвящен ФЕ и их модификациям.

Центральной категорией ФЕ считаются идиомы, которые также упоминаются как фраземы или идиоматические выражения (франц. *Expressions idiomatiques / figées*). В отличие от предыдущей категории, по определению немецкого филолога Харальда Бургера (*Harald Burger*), составляют определенные микротексты и, соответственно, не должны быть текстуально адаптированными к определенному контексту (в оригинале это выглядит так: *proverbs constitute proper micro-texts and hence do not have to be textually adapted to a specific context*) [11].

К следующей категории относят крылатые слова, заголовки и лозунги. Как утверждает Харальд Бургер, заголовки и лозунги можно легко отнести к категории крылатых слов, поскольку они имеют «*a unique source*» («единственный источник»). Под «единственным источником» понимают связь между собственными названиями книг, фильмов, песен и т.д. и определенным первоисточником. То есть, автор и источник известны. Приведем несколько

примеров: так, известную фразу Уинстона Черчилля: «Blood, toil, tears, and sweat» используют как заголовок в книге или газете; «in Frailty, thy name is woman!» – эта фраза из «Гамлета» Шекспира часто используется в журналах. По Л.П. Дядечко, именно такая связь называется «печатью авторства» и такие выражения / высказывания можно назвать «эптонимами».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии / Н.Н. Амосова. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1963. – С. 11-18.
2. Баранова, А.Н. Аспекты теории фразеологии / А.Н. Баранова, Д.О. Добровольский. – М: Знак, 2008. – С. 70.
3. Дядечко, Л. П. Крилаті слова в російській мові: системно-функціональний та лексикографічний аспекти / Л.П. Дядечко. – К., 2004. – С. 24-26.
4. Коваль, А.П. 1000 крилатих виразів української літературної мови: афоризми, літ.цитати, образні вирази / А.П. Коваль, В.В. Коптілов. – К.: Наук.думка, 1964. – С. 29-30.
5. Поливанов, Е.Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов / Е.Д. Поливанов. – Л. Восточный институт, 1928. – С. 75-76.
6. Шварцкопф, Б.С. Основные параметры описания крылатых выражений современного русского литературного языка / Б.С. Шварцкопф // Фразеография в Машинном фонде русского языка. – М., 1990. – С. 114-117.
7. Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие / С.Г. Шулежкова. – Челябинск, 1995. – С. 14-15.
8. Büchmann, G. Der Zitatenschatz des deutschen Volkes. – Frankfurt am Mein; Hamburg: Fischer-Bücherei, 1964. – 348 s.
9. Cowie, A.P., Mackin R. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English. – Vol. 2. Phrase, Clause and Sentence Idioms. – Oxford University Press, 1983.
10. Fernando, Ch., Flavell R. On idiom. Critical Views and Perspectives. – Vol. 5. – Exeter Linguistic Studies, University of Exeter, 1981. – P.18-48.
11. Harald Burger. Phraseologie: eine Einführung am Beispiel des Deutschen, 2007. – p. 106.
12. Palmer, F.R. Semantics. – Cambridge University Press, 1981. – P. 75-82.

Матеріал надійшов в редакцію 27.09.17.

ORIGIN NATURE OF EPTONYMS. LINGUISTIC APPROACH TO THE ISSUE OF PHRASEOLOGICAL FUND'S TERMS FORMATION

A.S. Reshetova, Postgraduate Student
O.O. Potebnya Institute of Linguistics (Kiev), Ukraine

Abstract. *In this article the origin nature of eponyms is investigated. The issue of multidimensionality of studying phraseological fund by the Ukrainian, Russian and also foreign philologists is raised. The terminology issue in different languages is revealed. The studying of term systems suggested by foreign authors allows to draw conclusion on lack of the unified concept of winged phrases / words.*

Keywords: *eponym, "authorship press", term system, phraseological fund, idiomatic units.*

УДК 80

ФУНКЦИИ ЯЗЫКА В ОБЩЕСТВЕ

М. Аббасова, педагог, диссертант
Университет Хазар (Баку), Азербайджан

***Аннотация.** В настоящей статье рассматриваются функции языка в обществе. В ней анализируются точки зрения различных авторов и делается вывод о том, что позиция Р. Якобсона, который выделяет в целом 6 функций (эмотивная функция, т.е. выражение чувств и волей говорящего; коннотативная функция, когда в языке выражаются вокатив, императив и модальность; референтивная функция, т.е. выражение предметов, событий внешнего мира; метаязыковая функция, т.е. когда мы говорим о языке объекта на другом языке; фатическая функция, когда мы хотим налаживать контакты с окружающим нас миром и, наконец, поэтическая функция), принимается большинством авторов. В статье подробно описывается каждая из этих функций.*

***Ключевые слова:** функция, эмотивная, коннотативная, референтивная, фатическая и поэтическая функции, метаязык.*

Кроме того, что язык является системой знаков, он определяется как важнейшее средство общения среди людей. «Общественные функции языка по своей структуре, системным связям и закономерностям своего развития, не есть нечто внешнее и безразличное... Для претворения в жизнь языковых функций, заложенных в организации и развитии языка, необходимо выпукло и предварительно показать в той или иной степени общественные факторы, которыми обусловлены эти функции» [6, с. 31]. По мнению А. Аврорина, функцию языка, «основу языка» составляет практическое проявление языка, реализация его в системе общественных событий, его особая активность. Как и материя невозможна без движения, так и невозможно представить себе язык без функций [1, с. 34]. Таким образом, когда мы говорим о функциях языка, мы прежде всего имеем в виду то, с какой целью мы его употребляем. В отдельных случаях, когда говорят об употреблении языка, нередко подразумевают устное или письменное его применение.

Известный лингвист Р.О. Якобсон выделяет в языке адресанта и адресата сообщения и добавляет к этим компонентам еще следующие компоненты: контекст, код, контакт и само сообщение. В соответствии с этим этот ученый определяет 6 функций языка. Они сводятся к следующему: 1) эмотивная функция, т.е. выражение чувств и воли говорящего; 2) коннотативная функция, когда в языке выражаются вокатив, императив и модальность; 3) функция референта, т.е. выражение предметов и событий внешнего мира; 4) функция метаязыков, т.е. когда мы говорим о языке объекта на другом языке; 5) фатическая функция, когда мы хотим налаживать контакты с окружающим нас миром и, наконец, 6) поэтическая функция [12, с. 77]. Р.О. Якобсон считает, что одна из функций всегда доминирует над другими и оказывается связанной с содержанием текста [12].

Е.Д. Дешериев определяет следующие функции языка: коммуникативную, общественную, экспрессивную, эстетическую и гносеологическую. «Языки, имеющие древнюю

письменность, новую письменность и языки, не имеющие вообще письменности, по основным функциям не различаются. Все они независимо от численности говорящих на них, являются средствами связи между говорящими. Коммуникативная функция возникает с целью налаживания связи между людьми и проявляет себя в остальных четырех функциях (общественная, экспрессивная, эстетическая и гносеологическая)» [2, с. 243]. Как вытекает из цитаты, Е.Д. Дешериев особо подчеркивает коммуникативную функцию, считая другие четыре функции ее составными компонентами.

Азербайджанский лингвист А. Ахундов выделяет четыре функции языка: коммуникативную, эмоциональную и экспрессивную. «При помощи языка, – пишет он, – люди поддерживают друг с другом связи, передают друг другу свои мысли. Эту функцию можно назвать коммуникативной. Общение является важнейшей функцией языка, и между людьми общение может осуществляться разными способами [7, с. 69]. Когда он говорит о других способах общения, он имеет в виду движение рук, мимику и жесты. «При их помощи люди могут добиться взаимопонимания, передать друг другу свои мысли. Но «язык» мимики очень ограничен и им пользуются больше всего в качестве эмоционального средства общения, как вспомогательного средства [7, с. 69]. Что касается экспрессивной функции языка, то А. Ахундов рассматривает ее как инструмент выражения мысли. Люди в первую очередь пользуются языком для выражения своих мыслей, того, о чем они думают. Следует подчеркнуть, что выражение «в первую очередь» он употребляет не случайно. Мышление может быть выражено иногда и без языка. Например, художник может описать событие, могущее быть темой большого рассказа, при помощи одной картины. Конкретная образная мысль может быть выражена музыкой [7, с. 70]. Другой азербайджанский лингвист Ф. Вейсялли, опираясь на Р.О. Якобсон, так описывает функции языка:

- 1) Эмотивная или экспрессивная функция, отражающая позицию говорящего;
- 2) Функция, направленная слушателю;
- 3) Функция названия, отношения или референции к предметам внешнего мира;
- 4) Фатическая функция, интригующая соучастников общения при помощи жестов, мимики или же при помощи усилительных частиц;
- 5) Поэтическая или эстетическая функция, которая выражает выделение мысли с целью подчеркивания отдельных моментов речи;
- 6) Функция метаязыка [11, с. 37].

Помимо этих функций Ф. Вейсялли выделяет еще две функции, которые способствуют восстановлению и передаче информации и позволяют опознать личность говорящего. В связи с этим он пишет: «Язык выполняет функцию сохранения информации и в случае необходимости восстанавливает и передает ее по адресу» [11, с. 39]. В качестве примера он ссылается на монументальный азербайджанский эпос «Книга моего деда Коркуда», который составлен более 13 веков назад, о котором специалисты сочиняют разные версии и варианты, считающиеся вполне нормальными. Познавательная функция позволяет собеседнику узнавать об адресате все, что касается его возраста, региона его рождения, вида трудовой деятельности и т.д. Ф. Вейсялли пишет в этой связи так: «Из первого предложения собеседника я могу установить его личность, место его рождения, возраст, чем он занимается. Если я с кем-нибудь говорил по телефону или общался с ним один раз, то при повторном разговоре с этим человеком по телефону могу определить по тембру его голоса его личность однозначно уже с первого предложения. С другой стороны, человек с определенной лингвистической подготовкой при встрече сможет определить, на каком языке он говорит или к какой языковой семье относится язык, на котором говорит человек, с которым я ни разу не встречался» [11, с. 39].

При выяснении вопроса о том, как новорожденный ребенок учится говорить и когда он начинает выговаривать первые фразы, последние исследования показали, что ребенок рождается с определенной системой языковых способностей, которые на первом этапе усвоения языка выражены в том, как назвать вещи и предметы [10, с. 18]. Известный языковед

М. Халдей проводил в течение 6 месяцев исследования над 9-месячной Нигель. В начале исследований ребенок различал две функции, в каждой из которой он различал два значения. Когда ей исполнилось 10 с половиной месяцев, у ребенка можно было наблюдать первичную лингвистическую систему. В шестнадцатимесячном возрасте ребенок уже различал все 6 функций языка в целом пятидесяти фраз в разных значениях [10, с. 45]. «В результате проведенных мною исследований над Нигель мне удалось зарегистрировать 7 функций языка [9, с. 19]. Они сводятся к следующему:

1) Инструментальная функция («I want» (Я хочу)). Это было для удовлетворения своих потребностей;

2) Управляющая функция («Do as I tell you» (Сделай как я сказал)). Она направлена на то, чтобы управлять поведением других;

3) Взаимная функция («me and you» (я и ты)), с целью налаживания контакта с другими людьми;

4) Функция обозначения личности («Here I came» (вот и я пришел)). Здесь имеет место самовыражение и идентификация;

5) Эвристическая функция («Tell me why» (скажи, почему)). Здесь выражено намерение изобрести мир и окружение.

6) Функция хозяйства («Let's pretend» (допустим, что).) Здесь говорящий воображает свой мир.

7) Функция передачи («I have got something to tell you» (У меня есть что тебе сказать)). Здесь имеется в виду передача сообщения.

Анализ показывает, что мнения специалистов по функциям языка, высказанные ими в разное время, в целом совпадают.

Суммируя все сказанное, можно сказать, что под функциями языка понимается то, с какой целью употребляется язык. В отдельных случаях цель употребления языка может быть определена в зависимости от письменной или устной формы его применения.

Сегодня многие лингвисты солидарны относительно трех функций языка: коммуникативной, когнитивной и номинативной.

Коммуникативная функция языка выражается в том, что язык служит общению людей, что он выступает в обществе как средство коммуникации. Есть ряд лингвистов, которые признают только коммуникативную функцию. Одним из таких был покойный Г.В. Колшанский, который писал по этому поводу следующее: «Как бы специфичной не была цель употребления языка, в процессе коммуникации он выполняет одну задачу, а именно быть средством взаимопонимания среди людей» [3, с. 3]. Посредством языка люди делятся между собой мыслями, передают друг другу информацию. Эта функция является первостепенной как для общества, так и для самого языка. Важность для общества заключается в том, что люди делятся между собой мыслями и чувствами, что люди передают определенные этнические ценности от поколения к поколению. Важность для языка заключается в том, что тем самым язык существует. Если на языке не говорят живые люди, значит язык мертв. Когда язык умирает, это значит, что народ, говорящий на нем, исчез, исчезли все материальные и моральные ценности данного народа.

Человечество для обмена информацией изобрело различные звуковые и световые сигналы, азбуку Морзе, дорожные знаки, коды и жесты. Но все они имеют ограниченные возможности. Только человеческий язык свободен от всех этих ограничений, что еще раз подтверждает уникальность языка как средства общения.

Общество не может существовать без языка ровно как и коммуникация не возможна без когниции. Такое даже невозможно себе представить. Говорение непосредственно связано с мышлением. Потому что каждое слово основательно продумывается, так как оно выполняет как передающую, так и принимающую функции. А это происходит в свою очередь благодаря тесной связи языка с мышлением [5, с. 76]. Что касается когнитивной функции, то она является результатом мыслительной деятельности человека. Люди выражают посредством

языка свои мысли, пожелания и чувства. Язык богат информацией, он вечно передает в наш мозг все новые информации, питает и развивает наш интеллект. Поэтому в последнее время все чаще ставится вопрос об исследовании когнитивной деятельности человека. Когда мы говорим о когниции, то имеем в виду изучение познания, мыслительной активности и все, что относится ко всем формам человеческого мышления [4, с. 98]. Согласно концепции Г.В. Колшанского, когнитивная функция языка в виде общественного сознания отражает мировое начало и по этой причине в познании мира человек занимает позицию в сторону природы, и тем самым он познает закономерности мира, пусть даже в теоретическом смысле [3, с. 24].

Номинативная функция заключается в том, что человек при помощи языка дает имена предметам и объектам внешнего мира. Человек дает имя каждому предмету, и все это остается в сознании человека [8, с. 230]. Имя не только называет, но и отличает вещи и явления друг от друга. Имена даются не только реальным и видимым вещам, но и нереальным, существующим в нашем сознании предметам и явлениям. Если человек не знает имени какого-то предмета, то придумывает новое название или называет его заимствованным словом из другого языка. По этой причине нет в мире такого языка, в котором бы не существовали заимствования. Шухарду принадлежат слова: «Ни один язык не чист, языки мира смешаны друг с другом заимствованиями» [8, 231].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврорин, В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка / В.А. Аврорин. – Л., 1975. – 274 стр. (с. 34).
2. Дешериев, Ю.Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории / Ю.Д. Дешериев. – М., «Наука», 1977. – 382 стр. (с. 243).
3. Колшанский, Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В. Колшанский. – М., 2005, 176 стр. (с. 24).
4. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – М., 2000, 217 стр. (с. 98).
5. Троянова, И.М. Когнитивная функция как одна из важнейших функций языка / И.М. Троянова // Вестник ТГПУ. М., 2008, вып. 2 (76).
6. Филин, Ф.П. К проблеме социальной обеспеченности языка / Ф.П. Филин. – «ВЯ», М., 1966, 174 стр. (с. 31).
7. Axundov, A. Ümumi dilçilik / A. Axundov. – Bakı, 1979, s. 250 (s. 70).
8. Ginzburg, R.S. A Course in Modern English Lexicology / R.S. Ginzburg. – М., 1979. – 269 p. (p. 231).
9. Halliday, M. Language as Social Semiotics / M. Halliday. – London, 1978. – 256 p. (p. 19).
10. Halliday, M. Learning how to mean Explorations in the Development of Language / M. Halliday. – London, 1975. – 164 p. (p. 45).
11. Veysəlli, F. Dilçiliyin əsasları / F. Veysəlli. – Bakı, 2013. – 417 s. (s. 39).
12. Jakobson, R. Linguistics and Poetics / R. Jakobson. – Cambridge, 1960. – 350 p. (P.77).

Материал поступил в редакцию 12.09.17.

FUNCTIONS OF LANGUAGE IN SOCIETY

M. Abbasova, Teacher, Candidate for a Degree
Khazar University (Baku), Azerbaijan

***Abstract.** In the present article the language functions in society are considered. This paper deals with the view points of various authors, the conclusion is drawn that R.O. Jakobson's viewpoint, who distinguishes in general 6 functions (emotive function, i.e. expression of feelings and will of speaking; conative function, when in language a vocative, an imperative and a modality are expressed; referential function, i.e. expression of objects, events of the external world; metalingual function, i.e. when we speak about object language in other language; phatic function, when we want to come into contacts with the world surrounding us and, at last, poetic function), is accepted by most of authors. In the article each of these functions is in detail described.*

***Keywords** function, emotive, conative, referential, phatic and poetic functions, metalanguage.*

УДК 81-2

СПЕЦИФИКА СИНТАКСИЧЕСКОГО СТРОЯ РЕЧИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ И.Д. ВАСИЛЕНКО

И.В. Голубева¹, А.Г. Иванова²

¹ доктор филологических наук, профессор, ² студент
Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», Россия

Аннотация. Статья посвящена специфике идиостиля И.Д. Василенко как детского писателя. Работа выполнена на материале синтаксического строя речи произведений для детей.

Ключевые слова: языковая личность, идиостиль, синтаксический строй речи.

Важнейшей особенностью отечественного языкознания последних десятилетий является отчетливо выраженный антропоцентризм, способствовавший развитию теории языковой личности, под которой в самом общем виде вслед за В.В. Воробьевым, Ю.Н. Карауловым, Г.И. Богиным, В.И. Карасиком и другими учеными принято понимать личность, реконструированную в своих основных чертах языковыми средствами через текст.

Наиболее обширный материал накоплен на сегодняшний день исследователями в плане изучения языковой личности писателей, что вызвано, прежде всего, обилием материала для анализа и его качеством, а также серьезной проработкой вопроса об образе автора со стороны литературоведения.

Объектом внимания в данной работе стало творчество детского писателя И.Д. Василенко [1]. Практически всю свою жизнь он прожил в Таганроге, работал учителем в школе хутора Ново-Бессергеновка. Многие произведения И.Д. Василенко были о детях и для детей. Особенно полюбили читателю герои И.Д. Василенко – Артемка Загоруйко и Митя Мимоходенко, а за повесть «Звездочка» Иван Дмитриевич был удостоен звания лауреата Сталинской премии третьей степени. В настоящее время в память о писателе в Таганроге устроен Дом-музей И.Д. Василенко, его именем названа детская библиотека.

Предметом исследования стал синтаксический строй речи художественных произведений И.Д. Василенко, поскольку известно, что именно синтаксический уровень языка теснее других связан с процессами мышления и коммуникации и поэтому позволяет судить об особенностях языковой личности того или иного писателя.

В качестве рабочей гипотезы мы выдвинули предположение, что языку И.Д. Василенко как детского писателя свойственны некоторые специфические черты. С целью выяснения этой специфики мы предприняли попытку проанализировать синтаксический строй речи следующих художественных произведений: «Артемка в цирке», «Волшебная шкатулка», «Петушки».

Мы провели качественно-количественный анализ употребления различных видов

синтаксических построений – простого предложения (ПП), простого осложненного предложения (ПОП), сложного предложения (СП), его различных видов и сложных синтаксических конструкций (ССК) – и отразили результаты нашей работы в следующих таблицах. Все выборки из текста имеют равный объем – 100 предикативных единиц.

Таблица 1

Выборка	ПП	ПОП	ССП	СПП	БСП	ССК
1	32	17	5	14	0	4
2	39	19	2	7	3	3
3	29	12	4	11	2	3
4	23	18	7	10	6	5
5	24	19	5	9	3	4
	44 %	25 %	7 %	15 %	4 %	5 %

Наиболее часто употребляемыми оказались простые предложения, наименее – бессоюзные сложные предложения.

Приведем конкретный пример из текста повести «Петушки»: *Темной летней ночью на лесной опушке лежали два мальчика и пристально смотрели в костер. Один мальчик был тоненький, щупленький, с золотистыми бровями и ресницами. Звали его Лева. Другой, Кузя, был круглый, розовощекий, глаза карие, брови – как черные шнурочки. Еще недавно костер весело плясал, лизал красными языками крутые бока котла, обдавал ребят дымом. Сейчас он притих, присмирел, подернулся серым пеплом и был готов потухнуть совсем. Но озорство еще не оставило его, и время от времени раздавался такой резкий, сухой треск, что мальчики вздрагивали и опасно отодвигались.*

В данном микротексте 9 предикативных единиц, 6 из них представляют собой простые предложения, а еще 3 в совокупности – сложную синтаксическую конструкцию. Несмотря на явное преобладание простых предложений над сложными, микротекст не теряет своих художественных свойств и не воспринимается читателем «упрощенно». Это происходит, прежде всего, за счет использования различных способов осложнения структуры простого предложения.

Обратим внимание на приоритетные для художественной манеры И.Д. Василенко способы распространения простых предложений, представленные в следующей таблице (отметим, что в таблицу не вошли случаи осложнения структуры простого предложения в составе сложного):

Таблица 2

Выборка	Однородные ч.п.	Обособленные ч.п.	Вводные слова	Вставные конструкции	Обращения
1	11	5	0	0	1
2	12	3	0	0	4
3	10	1	1	0	0
4	14	3	0	1	0
5	6	3	0	1	0
	70 %	20 %	1 %	3 %	6 %

Таким образом, мы видим, что в качестве осложняющих структуру простого предложения элементов чаще всего (в 70 % случаев) используются однородные члены предложения. Примером, хорошо иллюстрирующим это, является представленный ранее микротекст. Наиболее часто писатель использует бессоюзное соединение однородных членов предложения, несколько реже – соединение при помощи союзов *и*, *а*, *но*. Типичное количество членов однородного ряда – 4. Иногда в одном предложении присутствует несколько рядов однородных членов:

Запах ромашки, чабреца и мятных пряников перемешивался с запахом керосина и дегтя.

Доля сложных предложений в общем количестве синтаксических конструкций составляет 31 %, почти половину от этого количества (15 %) составляют СПП. Известно, что синтаксические связи разных типов – это одно из важнейших средств моделирования языковой действительности, которое зависит от целевой установки автора текста, ориентации на определенного адресата, от фоновых знаний участников коммуникации и т.д.

Среди ССП встречаются примерно в равных количествах, прежде всего, ССП с союзами *а, но, и*: *Может и нет тут этой глины, а мы из-за нее даже винограда не попробуем.*

Среди СПП встречаются все виды придаточных предложений, хотя наиболее частотны дополнительные, определительные придаточные предложения, а также придаточные обстоятельственные времени. Кроме того, для идиостиля И.Д. Василенко характерны СПП с разными видами придаточных предложений: *Да еще помню тишину, которая наступила, когда все было кончено.*

Среди БСП распространены все разновидности, но чаще всего встречаются БСП с отношениями последовательности или одновременности: *Я с нетерпением ждал весны; время тянулось медленно и тоскливо.*

Среди ССК наблюдаются все разновидности (с различными комбинациями отношений между частями): *К ночи меня стал мучить голод, но возвращаться домой мне не хотелось: я знал, что в угоду хозяйке мать выдерет меня за уши, хотя потом и сама же будет плакать.*

Подводя итоги работы, мы можем сделать вывод, что языку И.Д. Василенко как детского писателя свойственны специфические черты, а именно:

- преобладание простых предложений над сложными;
- использование для осложнения структуры простых предложений преимущественно рядов однородных членов, что помогает выразить мысль разносторонне и во всем ее богатстве, уделить внимание конкретным деталям;
- преобладание СПП над другими видами сложных предложений, ведь в них синтаксические связи между частями выражены наиболее отчетливо, а потому они легко доступны для понимания маленького читателя.

В перспективе считаем возможным сравнить синтаксический строй художественных произведений для детей и произведений для взрослых («Часы Мериме», «О любви» и др.) для того, чтобы полнее выявить специфику художественной манеры И.Д. Василенко как детского писателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василенко, И.Д. Хозяин волшебной шкатулки. Избранное / И.Д. Василенко // Составитель С.А. Лапицкая. – Таганрог: Лукоморье, 2010. – 412 с.

Материал поступил в редакцию 02.11.17.

**PECULIARITIES OF THE SYNTACTIC SPEECH SYSTEM
OF THE CHILDREN'S BOOKS BY I.D. VASILENKO**

I.V. Golubeva¹, A.G. Ivanova²

¹ Doctor of Philological Sciences, Professor, ² Student
Anton Chekhov Taganrog State Institute (branch)
Rostov State University of Economics, Russia

***Abstract.** This paper deals with the peculiarities of I.D. Vasilenko's individual style as the children's book writer. This research is carried out based on the material of syntactic speech system of children's books.*

***Keywords:** language personality, individual style, syntactic speech system.*

УДК 81'373

**К ВОПРОСУ О СООТНЕСЕНИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ
С СОДЕРЖАТЕЛЬНО-СТРУКТУРНЫМ УРОВНЕМ ТЕКСТА**

А.В. Звягинцева, кандидат филологических наук, доцент
Московский педагогический государственный университет, Россия

***Аннотация.** Статья посвящена изучению информационной структуры текста. При исследовании содержательного плана сообщения можно выявить единицы, которые на лексическом уровне текста являются элементами ассоциативных полей, реализуемых вокруг некоторого понятия. Элементы ассоциативного поля, находясь между собой в парадигматических отношениях, имеют тенденцию быть чётко представленными на композиционном уровне текста. Композиционное разбиение содержательного плана текста сказывается на том, что его элементы неравнозначны относительно друг друга. Анализ композиционного расположения элементов ассоциативных полей позволяет говорить о наличии в высказывании лексических единиц, которые обладают разной степенью смысловой значимости в формировании и выражении основной идеи сообщения.*

***Ключевые слова:** текст, ассоциативное поле слова, реализованный ассоциат, композиционный план текста.*

В последнее время ассоциативные связи слов стали эффективным инструментом интерпретации текстов и анализа смыслового развития слова. Подробным и всесторонним изучением вербальных ассоциаций, относящихся к структуре текста, занимается коммуникативная стилистика. Одним из приоритетных направлений коммуникативной стилистики также является исследование лингвистических и экстралингвистических факторов общения, связанных с порождением текста и его интерпретацией [1, с. 60].

Известно, что порождение текста начинается с активизации определённого фрагмента концептуальной картины мира. Специфическая языковая процедура представляет этот фрагмент в виде целого образования, элементами которого являются лексические слова. Между лексическими единицами ввиду психической деятельности человека обнаруживаются связи ассоциативного характера. Исходя из предмета сообщения, рождается некоторое ассоциативное поле, элементы которого являются впоследствии строевым материалом лексического уровня текста. При этом выборка единиц для будущего высказывания соотносится, прежде всего, с замыслом автора, который необходимо реализовать.

Ассоциативные поля представляют собой типы полей, исследуемые в рамках психолингвистики и психологии, для которых «характерно объединение вокруг слова стимула определённых групп слов-ассоциатов» [4, с. 381]. В рамках данной статьи вместо термина «слово-ассоциат» используется рабочий термин «реализованный ассоциат». В свою очередь, центром ассоциативного поля является некоторое понятие.

Установлено, что элементы ассоциативных полей находятся в отношениях иерархии

(парадигматический план), что дает возможность определить различный статус реализованных ассоциатов. Реализованные ассоциаты, как представляется, могут получать разный статус в зависимости от их степени удаленности от центра ассоциативного поля: соответственно можно обозначить реализованные ассоциаты I порядка, II порядка, III порядка и т. д. (РА I, РАII, РАIII и т.д.). Центром ассоциативного поля, в свою очередь, является некоторое понятие (П):

П		РА I		РА II		РА III
Pub	-	people	-	regular customers (regulars)	-	pianist

Единицы ассоциативного поля формируют тематическую иерархию текста. На композиционном уровне текста, согласно А.И. Новикову, можно выделить такие раскрывающие тему компоненты, как подтема, субподтема и микротема. Элементы содержания, выступающие в роли подтем, задают основные линии развития текста и тем самым определяют развитие темы по ширине. Другие элементы, являющиеся компонентами субподтемы и микротемы, развивают подтемы и задают необходимую глубину развития темы. Подтема раскрывает различные аспекты основного предмета описания, заданного замыслом. Замысел также определяет наличие или отсутствие субподтемы и микротемы в сообщении. В независимости от степени расширения и углубления темы универсальным остаётся выделение в тексте неких взаимосвязанных смысловых единиц или блоков разной степени важности. В целом порядок распределения подтем, субподтем и микротем определяется законами логики [2, с. 26].

Как представляется, на композиционном уровне текста понятие (центр ассоциативного поля) и реализованные ассоциаты могут соотноситься с иерархической структурой текста следующим образом:

- понятия (П), заданные автором, относятся к теме;
- реализованные ассоциаты I порядка (РА I), имеющие непосредственное отношение к понятию (тема) – к подтеме;
- реализованные ассоциаты II порядка (РА II), имеющие опосредованное отношение к понятию (тема) через один реализованный ассоциат – к субподтеме;
- реализованные ассоциаты III, IV порядка (РА III, РА IV) и т.д., имеющие опосредованное отношение к понятию (тема) через два и более РА – к микротеме.

Рассмотрим следующий текстовый фрагмент:

London is the capital of Great Britain. It's in the south-east of England on the River Thames. In the centre of the city is Buckingham Palace, the London home of the kings and queens of this country. And every day at Buckingham Palace, there's a famous ceremony.....

We are watching the Changing of the Guard. There are always guardsmen... The guardsmen wear traditional uniform: a red coat and a black helmet....(London....) [5].

В приведенном речевом отрезке представляется возможным соотнести лексические единицы с композиционным планом сообщения следующим образом:

П		РА I		РА II		РА III
London (тема)	-	Buckingham Palace (подтема)	-	Changing of the Guard (субподтема)	-	guardsmen (микротема)
(capital, city, Eng- land, river Thames, Great Britain..)		(London home of kings, queens, fa- mous ceremony..)				(traditional uniform red coat, black helmet..)

Лексические единицы *capital, city, famous ceremony, traditional uniform* и др. создают содержательный план соответствующего композиционного уровня текста. Развитие темы по ширине и глубине определяется замыслом автора.

Итак, реализованные ассоциаты и понятия находятся в тексте в некоторой системе подчинения и коррелируют с выделяемыми в иерархической сети текста такими его содержательно-структурными составляющими как тема, подтема, субподтема и микротема. Композиционный план текста на уровне замысла также представлен парадигматически. Таким образом, синтагматическая реализация замысла является уровнем активизации взаимодействия двух парадигматических планов: иерархически соотнесенных между собой реализованных ассоциатов и иерархически соотнесенных компонентов композиционной сети сообщения. На линейной оси высказывания элементы ассоциативных полей размещаются автором интуитивно в соответствии с законами композиционной организации текста.

Соотнесение единиц ассоциативного поля с композиционным планом сообщения дает представление о тексте как о сложном вербальном образовании, как о структуре с внутренней организацией, элементы которой значимы не только сами по себе, но и в своих отношениях с другими элементами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болотнова, Н.С. Проблемы речеведения: определение основных понятий и категорий коммуникативной стилистики текста / Н.С. Болотнова // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. Спецвыпуск. – 2000. – №3(9). – 60-66 с.
2. Новиков, А.И. Семантика текста и ее формализация / АИ. Новиков. – М.: Наука., 1983 – 216 с.
3. Попова, З.Д. Лексическая система языка. Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Книжный дом «Либроком», 2011. – 172 с.
4. Ярцева, В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
5. Hallawell, F. London, Longman, 2003. – 32 с.

Материал поступил в редакцию 10.11.17.

ON THE ISSUE OF CORRELATION OF LEXICAL UNITS OF ASSOCIATIVE FIELD WITH THE CONTENSIVE-STRUCTURAL TEXT LEVEL

A.V. Zvyagintseva, PhD, Associate Professor
Moscow State Pedagogical University, Russia

Abstract. *This article deals with the studying of the information structure of the text. Investigating the contensive aspect of the message it is possible to reveal units, which are elements of the associative fields implemented around some concept at the lexical level of the text. Elements of the associative field, being among themselves in the paradigmatic relations, tend to be accurately presented at the compositional level of the text. The compositional splitting of the contensive aspect of the text affects that its elements are relatively nonequivalent to each other. The analysis of the compositional arrangement of the elements of the associative field makes it possible to state the existence of the lexical units, which have different degree of semantic importance in formation and expression of the main idea of the utterance.*

Keywords: *text, associative field of a word, implemented associate word, compositional aspect of the text.*

УДК 80

СЕКРЕТ УСПЕШНОГО УСВОЕНИЯ НАВЫКОВ ПРОИЗНОШЕНИЯ И ГОВОРЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ВУЗЕ (НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП, МАГИСТРАТУРА) (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

Г.И. Мамукина, кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 3
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Москва), Россия

***Аннотация.** В данной статье предлагается практический (апробированный годами) материал для подготовки студентов к практическому владению немецким языком как в области чтения профорентированной литературы, так и устной речи в соответствии с современными программными требованиями, предъявляемыми к обучению иностранному языку в вузах неязыковых специальностей с целью предельно быстро запустить механизмы речи, а затем обеспечить их функционирование в учебном процессе и реализацию в деловой и профессиональной сфере.*

***Ключевые слова:** начальный этап изучения немецкого языка, фонетические особенности немецких звуков: долгота и краткость звуков, умлаут, дифтонги, согласные звуки; систематизированные знания по фонетике и грамматике немецкого языка, речевая деятельность, говорение.*

В данной статье предлагается практический (апробированный годами) материал для подготовки студентов на начальном этапе изучения к практическому владению немецким языком как в области чтения профорентированной литературы, так и устной речи в соответствии с современными программными требованиями, предъявляемыми к обучению иностранному языку в вузах неязыковых специальностей с целью предельно быстро запустить механизмы речи, а затем обеспечить их функционирование в учебном процессе и реализацию в деловой и профессиональной сфере [1, с. 4].

Этот материал можно использовать как для обучения второму иностранному языку, так и для овладения первым иностранным языком.

На начальном этапе эксплуатируется естественный интерес обучающегося к немецкому языку. Вера в успех есть тот двигатель, который не терпит длительного процесса безуспешного запуска речевых механизмов. Умение общаться на немецком языке со своим деловым партнером, служащим фирмы и т.д. чрезвычайно важно в жизни человека.

Из опыта работы преподавателя с группами начинающих изучать немецкий язык, предлагаемый систематизированный фонетический и грамматический материал быстрее и лучше усваивается студентами, что позволяет им за короткий срок качественно освоить все виды речевой деятельности, прежде всего, говорение. [1, с.4].

Адаптированный теоретический материал несет в себе систематизированные знания по фонетике и грамматике немецкого языка, представлен системно, изложен на русском языке в простой и краткой форме. Все темы иллюстрируются немецкими примерами с их транскрипцией, есть и транслитерация, с переводом их на русский язык, также предваряются небольшими немецкими текстами. Прилагаются упражнения и ключи к ним.

Задача преподавателя состоит в том, чтобы помочь студентам осознать, что обобщенное системное изучение основных теоретических моментов по фонетике и грамматике немецкого языка повышает уровень практического владения им. Сопоставляя фонетику и грамматику немецкого языка с фонетикой и грамматикой первого иностранного языка

и своего родного (русского) языка, студент лучше осознает изучаемый иностранный язык (немецкий язык) как дисциплину, быстро приобретает навыки речевой деятельности в ограниченных рамках учебного процесса.

Студенты учатся фонетически правильно (имитирующее) произносить и употреблять в речи лексические единицы и применять грамматические структуры для высказывания своей мысли на изучаемом (немецком) языке в устной или письменной форме, поддержать беседу на немецком языке, читать адаптированную профориентированную литературу на изучаемом иностранном языке; владеть навыками выразительного чтения вслух; самостоятельно работать над усовершенствованием речевых умений и навыков.

На первом занятии, которое называется «Особенности немецкого алфавита и основные правила чтения на немецком языке (долгота и краткость звуков, умлаут, дифтонги, особенность произнесения согласных звуков)», студенты осваивают технику произнесения немецких звуков и чтения немецких слов, поют песенку про немецкий алфавит, знакомятся и с транскрипцией, и с транслитерацией.

Студенты узнают, почему немецкий язык, как и сама дисциплина «Иностранный язык» («Немецкий язык»), занимают особое место среди множества учебных дисциплин. Своеобразие этого предмета заключается в том, что в ходе его изучения студенты приобретают не знания основ науки, а формируют умения и навыки пользоваться чужим языком как средством общения, средством получения новой и полезной информации, средством взаимодействия и взаимопонимания с представителями других народов и культур.

Значение дисциплины «Немецкий язык» велико в условиях широко развитых деловых и культурных связей с немецкоязычными странами – Федеративной Республикой Германией (die Bundesrepublik Deutschland – die BRD [di: *be:ʁde:], Австрией – Österreich ['østəvraeç], Швейцарией – die Schweiz [*di: ʃvaets], Бельгией – Belgien [*bɛlɡɪən], Люксембургом – Luxemburg [luxəmbuʁg], Лихтенштейном – Lichtenstein [liçtənʃtaen]. И умение общаться на немецком языке со своим деловым партнером, служащим фирмы и т.д. чрезвычайно важно [1, с. 6].

Знакомясь с немецким алфавитом, студенты знакомятся с особенностями произношения немецких звуков и постоянно сравнивают немецкие звуки с английскими и с русскими, т.е. «погружаются» в систему языка.

К фонетическим особенностям немецкого языка относят немецкий алфавит и основные правила чтения на немецком языке такие, как: долгота и краткость звуков: умлаут; дифтонги, согласные звуки. По-немецки это звучит так: Besonderheiten im deutschen Alphabet und in der deutschen Phonetik (lange und kurze Vokale, Umlaut, Diphthonge (Doppellaut), Konsonanten). Теперь рассмотрим фонетические особенности немецкого языка более подробно, по пунктам. [1, с. 7]:

1. При сравнении русских и немецких букв мы находим в немецком алфавите сходство в написании с буквами русского алфавита и различия в произношении звуков. Звуки нужно усваивать на уровне *имитации*. Для сравнения представлен русский алфавит в немецком написании. Прилагается распечатка русского алфавита немецкими буквами. (См. Приложение 1).

2. Немецкий алфавит создавался на основе греко-романского алфавита. Официально написание букв совпадает с латинскими, но не совпадает с прочтением латинских букв. В немецком алфавите, как и в английском алфавите, 26 букв. Есть еще четыре свои собственные буквы: три умлаута «ö» [ø], «ä» [ɛ], «ü» [y] и лигатура «эсцет» – двоянное «ss» = «ß». Эти четыре дополнительные буквы в состав алфавита не включаются, но при этом часто встречаются и употребляются в самых разных словах. Для сравнения, русский алфавит состоит из 33-х букв. В таблице представлен немецкий алфавит, немецкие буквы печатные и рукописные, а также транскрипция русскими буквами. (См. Приложение 2)

3. В немецком языке, *как и в русском*, различают открытые, закрытые и условно-закрытые слоги. Открытый слог заканчивается гласной или может состоять из одной гласной:

русск. – *да*, нем. Ja, sa-gen (*говорить*), a-ber (*но*). Закрытый слог оканчивается на согласную: русск. – *рот*, нем. – an (*к*), von (*о*), will [vil] – (*хочу*). Условно-закрытым называют такой слог, который при изменении формы слова может стать открытым: русск. – шар – шары, нем. – Tag – Tage (день – дни).

4. Звуки необходимо повторять за преподавателем, либо за диктором и записывать алфавит в тетрадь. Транскрипция дается латинскими и русскими буквами. Необходимо обращать внимание на правила произношения и изображения на письме гласных звуков. Нужно строго соблюдать долготу и краткость гласных звуков, так как несоблюдение этих правил может совершенно изменить смысл того или иного слова, например: Beet [*be:t] (грядка) – Bett [*bet] (кровать), Staat [ʃta:t] (государство) – Stadt [ʃtat] (город).

5. Немецкие звуки звучат от начала до конца однородно, четко, с твердым приступом (Knacklaut) [ˈknaklaot].

6. При произнесении кратких гласных звуков нижняя челюсть опускается значительно больше, чем при произнесении долгих. Гласные a, e, i, o, u бывают долгими и краткими. Нужно строго соблюдать долготу и краткость гласных звуков.

Основные правила чтения на немецком языке – это соблюдение долготы и краткости звуков, правильное прочтение умлаута, дифтонгов, согласных звуков [1, с. 8]:

1. Существуют три правила для обозначения долготы гласных в орфографии:

а) Буквой **h**, которая стоит после гласной: ihr [ˈiːɐ̯] (ее, вы – 2л.мн.ч.), Sohn [*so:n] (сын), Bühne [*by:nə] (сцена); эта буква в середине слова является знаком долготы. В начале слова или в начале корневого слога эта буква произносится с сильным выдохом – как будто мы дышим на стекло.

б) **a, o, e** – удвоенными буквами: Boot [*bo:t] (лодка), Saal [*sa:l] (зал), Beet [*be:t];

с) **i** – посредством ie [ˈiː]: wie? [vi:ʔ] (Как? Какой?), sieben [zi:bən] (семь), ziehen [tsi:ən] (тянуть). z.B., (например) Wie alt sind sie? [vi: ˈalt *zint *zi:ʔ] *Сколько Вам лет?*

2. Произношение гласных и согласных звуков в немецком языке:

Гласная читается кратко, если за ней следует удвоенная согласная или несколько согласных: guten [*gu:tən] (добрый), schwimmen [ʃvimən] (плавать), essen [ˈɛsən] (кушать, есть), Herbst [hɛəpst] (осень), selbst [*sɛlpst] (самостоятельно/ый). Guten Tag! *Добрый день!* Guten Morgen! *Доброе утро!* Guten Abend! *Добрый вечер!*

Сочетание двух гласных звуков в одном слоге, которые произносятся слитно, называется дифтонгом. Первый звук – очень четкий, второй – слабый. Существуют дифтонги: ei [ae], au [ao], eu, au [oe] – heute [хоетэ] (сегодня), neun [ноен] (девять), allein [ˈallaen] (в одиночку), eins [ˈaens] (один), auch [ˈaox] (тоже, также), Fräulein [frøelaen] (фрейлейн, девушка).

Звук ch – твердый (ach-Laut) после a, o, u, au – сходен с русским [x]: machen [ma:xən] (делать), lachen [la:xən] (смеяться). Звук **ch** – мягкий (ich-Laut) после e, ae, i, oe, ai, ei, eu, aeu в суффиксе **-chen** и после **l, r** сходен русскому «хижина», «химия»: ich [ˈiç], Recht [rɛçt] (право), sprechen [ʃpɛçən] (разговаривать), nicht [niçt] (не), Bücher [*byçə] (книги), möchte [møçtə] (хотел бы).

Глухие согласные **p, t, k** произносятся с предыханием: Tante [tantə] (тетя), kommen [ˈkɔmən] (приходить), Peter [pe:tə].

При произнесении звука l язык должен оставаться плоским, а его кончик следует прижать к основанию альвеол: Land [lant] (страна), Kalender [kalendə] (календарь).

Носовой звук [ŋ] можно получить, если прижать кончика языка пальцем или плоской палочкой вниз и произносить звук n. На письме этот звук изображается ng [ŋ] или nk [ŋ].

Буква j [йот] всегда сочетается со стоящими после нее гласными ja= я, je=e, jo=ë, ju=ю.

Буква r редко произносится перед гласными или после кратких гласных: Brot [*bro:t] (хлеб), Ärmel [ɛ:vməl] (рукав), durch [*dʊɾç] (вдоль, через, по). Перед долгой гласной в конце слова и перед согласной в приставке и окончании буква r проглатывается: Erde [ˈɛ:ɐdə] (земля), Schüler [ʃy:lə] (ученики), ihr [ˈi:ɐ̯] (ее, вы).

Удвоенные согласные читаются как один звук: kommen [‘kɔmən], essen [‘ɛsən], nennen [nɛnən] (называть).

Правила чтения: ck = k, Rucksack [vu:ksak] (рюкзак); tz=ц, sitzen [zitzən] (сидеть); chs=кс, sechs [zɛks] (шесть); sch=ш; sp=шп; st=шт; -ig=ихь; tsch=ч; dt=т; sh,g=ж; =ss; v=[f],[ф].

Один звук: dt=t, th=t.

По новому правописанию от 01.09.97. на клавиатуре разрешается печатать А-умлаут как “ae”, О-умлаут как “oe”, У-умлаут как “ue”.

Приложение 1

Русский алфавит (немецкое написание)

А	a		Р	r
Б	b		С	s
В	w		Т	t
Г	g		У	u
Д	d		Ф	f
Е	e, je		Х	ch
Ё	jo		Ц	z
Ж	sh, g		Ч	tsch
З	s		Ш	sch
И	i		Щ	ttsch
Й	i, j		Ъ	-
К	k		Ы	Y
Л	l		Ь	-
М	m		Э	ae
Н	n		Ю	Ju
О	o		Я	Ja
П	p			

Приложение 2

Немецкий алфавит

Латинский шрифт

Печатные буквы	Рукописные буквы	Транскрипция русскими буквами
A a	<i>A a</i>	а
B b	<i>B b</i>	бэ
C c	<i>C c</i>	цэ
D d	<i>D d</i>	дэ
E e	<i>E e</i>	э
F f	<i>F f</i>	эф
G g	<i>G g</i>	гэ
H h	<i>H h</i>	ха
I i	<i>I i</i>	и
J j	<i>J j</i>	йот
K k	<i>K k</i>	ка
L l	<i>L l</i>	эл
M m	<i>M m</i>	эм
N n	<i>N n</i>	эн
O o	<i>O o</i>	о
P p	<i>P p</i>	пэ
Q q	<i>Q q</i>	ку
R r	<i>R r</i>	эр
S s	<i>S s</i>	эс

Окончание приложения 2

Печатные буквы	Рукописные буквы	Транскрипция русскими буквами
T t	<i>T t</i>	Тэ
U u	<i>U u</i>	у
V v	<i>V v</i>	фау
W w	<i>W w</i>	вэ
X x	<i>X x</i>	икс
Y y	<i>Y y</i>	ипсилон
Z z	<i>Z z</i>	цэт
B	<i>B</i>	эс-цэт
ei	<i>ei</i>	[ай]
eu (au)	<i>eu</i>	[ой]
au	<i>au</i>	[ао]

Запомните!

Надо знать обозначение долготы и краткости гласных в орфографии, понятие умлаута, дифтонга – удвоенного звука; удвоенные согласные; глухие согласные; носовой звук; произнесение звука [r].

Надо уметь правильно произносить (*имитировать!*) звуки и понимать на слух имена собственные, названия профессий. Уметь поприветствовать кого-либо и самому представиться.

Песенка про немецкий алфавит:

*A, b, c, d, e, f, g, h, i, j, k, l, m, n, o, p,
q, r, s, t, u, v, w – 2 Mal*

x, y. Juchhe, so jetzt kenne ich das ABC! Ребята, теперь я знаю алфавит!

*[a:,be.,ce.,de.,e:,ef,ge.,xa:,i:,jot,ka:,el,em,en,o,pe:|ku,er,es,te.,u:,fao,ve:|(i)chs,ipsilon,
tset|juxe!|zo jetst kenə iç das a:be:tse:] – транскрипция*

*[а,бэ,цэ,дэ,э.эф,гэ,ха,и,йот,ка,эль,эм,эн,о,пэ|ку,эр,эс,тэ,у,фао,вэ|икс,ипсилон,цэт, юхэ,
зо йетцт кэннэ ихь дас абэцэ!] – транслитерация*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мамукина, Г.И. Иностранный язык делового общения Master-Deutsch. Учебное пособие / Г.И. Мамукина. – Москва: ФГБОУВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2016.

Материал поступил в редакцию 31.10.17.

**A RECIPE FOR SUCCESSFUL MASTERING SKILLS OF
PRONUNCIATION AND SPEAKING AT THE GERMAN LESSONS
IN ECONOMIC HIGHER EDUCATION INSTITUTION
(THE INITIAL STAGE, MASTER'S PROGRAM) (FROM EXPERIENCE)**

G.I. Mamukina, Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of Academic Department of Foreign Languages №3
Plekhanov Russian University of Economics (Moscow), Russia

***Abstract.** In this article we suggest the practical material (tested for years) for training students for practical mastery of German as for reading professional literature, and for oral speech according to the modern program demands on foreign language teaching in higher education institutions of not language specialties in order to extremely quickly start speech mechanisms, and then to provide their functioning in educational process and implementation in the business and professional sphere.*

***Keywords:** initial stage of German learning, phonetic features of the German sounds: length and shortness of sounds, umlaut, diphthongs, consonants; the systematized knowledges on phonetics and grammar of German, speech activity, speaking.*

УДК 811

ЭПОНИМЫ АНТРОПОНИМИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

У.П. Природина, кандидат филологических наук, преподаватель
Частное образовательное учреждение дополнительного образования
по изучению иностранных языков «Скандинавская школа» (Москва), Россия

Аннотация. В данной статье рассматривается ряд эпонимических существительных и глаголов антропонимического содержания в шведском языке и культуре с точки зрения словообразования, этимологии.

Ключевые слова: эпоним, шведский язык, словообразование, этимология.

В разных языках и культурах проблема эпонимов представляет особый интерес. Прежде всего, это обусловлено тем, что эпонимы являются носителями различной культурологической информации, для полного и глубокого раскрытия которой необходимо изучить лингвистическую и энциклопедическую информацию, включающую зону этимологии, словообразовательные производные, грамматические характеристики, устойчивые обороты с данными словами, в том числе терминологические обороты. В нашем небольшом исследовании мы попытаемся рассмотреть некоторые эпонимы шведского языка антропонимического содержания, представленные в различных областях жизнедеятельности человека. Следует отметить, что ряд существительных и глаголов, образованных от антропонимов, перешли в класс апеллятивов, обслуживающих сферу разговорной речи и характеризующихся сниженным стилем.

Вот пример простых аффиксальных производных: *ljunglövare* – жевательный табак (от семьи Юнглёф (Ljunglöf), владельцев фабрики по производству нюхательного табака); *almkvistare* – нудист (относится к Юхану Альмквисту (Johan Almqvist), пионеру в области натурализма в Швеции); *bildtare* – искусно увильнуть, уклониться от потенциально сложной ситуации (относится к Карлу Бильдту (Karl Bildt), шведскому политику и дипломату, премьер-министру Швеции с 1991 по 1994 гг.); *juholtare* – поспешное, преждевременное высказывание, от которого человек незамедлительно вынужден отказаться (относится к Хокану Юхультару (Håkan Juholt), шведскому фотографу, журналисту, социал-демократу, члену Риксдага с 1994 г.); *reinfeldtare* – изменение курса политики партии таким образом, что он приближается к политике оппозиции (относится к Фредрику Рейнфельдту (Fredrik Reinfeldt), шведскому государственному и политическому деятелю, премьер-министру Швеции с 2006 по 2014 гг.). Необходимо отметить, что для обозначения отличительного действия, которое имеет отношение к конкретному человеку, можно использовать сочетание *att göra en Bildt, att göra en Juholt* (досл. сделать, выполнить Бильдта, Юхольта).

Глаголы, образованные от антропонимов, не так редки: *att almqvista* – купаться голым (от Юхана Альмквиста, см. выше); *att fanta sig* – вступать в гражданский брак (относится к мэру Стокгольма Гуннару Фанту (Gunnar Fant)); *att myckla* – иметь совокупление (отождествляется с Агнарсом Мюкле (Agnar Mykle), автором книги с эротическими сценами «Песня о красном рубине»); *att fingalisera* – двигаться, шевелиться (относится к монологу Мартина Юнга о Фингале Ульссоне (Fingal Olsson), который «шевелился»); *att zlatanera* – справиться с чем-либо, используя силу; доминировать (отождествляется со Златаном Ибрагимовичем (Zlatan Ibrahimović), шведским футболистом боснийско-хорватского происхождения).

Одним из распространенных способов образования эпонимов является словосложение:

brattbok – книжка; *furugårdsindian* – шведский нацист; *wennerströmsdricka* – напиток, состоящий из ратафии (сладкой водки) со вкусом тмина крепостью 43 % об. Рассмотрим их происхождение. *Brattbok* отождествляется с Иваном Браттом (Ivan Bratt), который ввел *motbok*, книжку для отметок с целью контроля покупки алкоголя, чтобы сократить его потребление. *Furugårdsindian* относится к Биргеру Фуругорду (Birger Furugård), шведскому политику нацистского толка, первому, кто попытался привести нацистов к власти в Швеции; *wennerströmsdricka* – напиток, содержащий *överstebrännvin* (швед. *överste* «полковник», *brännvin* «водка»). Водка (*överstebrännvin*) названа в честь ее создателя – полковника, графа Хуго Якоба Гамильтона, у которого имелся собственный рецепт пряной водки. После его смерти в 1896 г. водку стали продавать под названием *Överste Brännvin*. В годы его жизни только компания по производству алкоголя в Эребру получила разрешение смешивать эту водку. Своему наименованию напиток *wennerströmsdricka* обязан Стигу Эрику Констансу Веннерстрёму (Stig Erik Constans Wennerström) полковнику ВВС Швеции, осужденному по обвинению в шпионаже в 1964 г.

В шведском языке и культуре есть эпонимы, содержащие антропонимический компонент, между которыми несмотря на определенные различия существует связь на уровне обозначения одного и того же явления. Речь идет о сложных существительных *friggebod* и *attefallshus*. *Friggebod*, *attefallshus* – небольшие хозяйственные постройки (дома), не требующие разрешения на строительства. Разница заключается в периоде происхождения данных лексических единиц, антропонимическом содержании, грамматической характеристике. *Friggebod* отождествляется с Биргит Фриггебу (Birgit Friggebo), шведским министром по делам жилищного строительства с 1978 по 1982 гг. Слово появилось в обиходе в 1979 г. и обозначало строительство дома до 10 м². *Attefallshus* отождествляется со Стефаном Аттефалем (Stefan Attefall), шведским министром по делам гражданского и жилищного строительства с 2010 по 2014 гг. Слово появилось в обиходе в 2014 г. и обозначало строительство дома до 25 м². Автор статьи *Odödlighet genom ordet* С. Вейдему [1] задается вопросом, насколько существительное *attefallshus* приживется в языке. В то время как эпоним *friggebod* плотно вошло в шведский язык, и даже появилась сокращенная форма *frigga*.

С. Вейдемо отмечает конкретность образа, отображаемого глаголами, в основе которых лежит антропоним. Существительные же, описывающие черты характера человека или действия, менее конкретны, чем существительные, называющие предметы. Так, существительные *juholtare*, *bildtare*, *reinfeldtare* обозначают что-то более абстрактное, чем, скажем, существительное *friggebod*. Эпонимы *juholtare*, *bildtare*, *reinfeldtare* указывают на черты характера политических деятелей, но у разных людей возникают различные ассоциации с известными личностями. В связи с этим не так легко понять и запомнить значение вышеперечисленных слов, что в свою очередь переводит их в пассивный запас языка.

Порой появляются эпонимы для обозначения чего-то негативного. Они также не отличаются долговечностью нахождения в активном запасе языка. Таким, например, является глагол *att kjölla* (отождествляется со шведским писателем и журналистом Ханней Чёллер (Hanne Kjöllner). В своей книге *En halv sanning är också en lögn* (букв. «Половина правды – тоже ложь») (2013) автор среди прочего рассматривает события, при описании которых журналисты пропускают или искажают данные. Однако общественность обнаружила, что книга автора также содержит фактические ошибки. Возьмем, к примеру, пользователей Твиттера, которые стали предлагать собственные варианты толкования данного глагола: «использование полуправды, лжи и небрежное обращение с фактами в серьезных текстах», «подмена обнаруженных другими людьми фактов собственными». Попытки распространить данный эпоним в Твиттере и Флешбэке среди журналистов не увенчались успехом.

Иногда происхождение эпонимов может быть замысловатым. Возьмем к примеру, Густаф Раскенстам (Gustaf Raskenstam) – в некотором смысле прототип лексической единицы *en raskenstam* – мошенник, вступающий в любовные отношения с целью выманить у партнера деньги, имущество. Впоследствии данная лексическая единица стала эквивалентом

выражения *sol och vårare*. Выражение *sol och vårare* используется для характеристики человека, выманивающего деньги, обещая замужество, т.е. своего рода мошенничество под предлогом замужества. В 1916 г. в газете «Стокгольмс-Тиднинген» Карл Вестерберг под псевдонимом *sol och vår* (досл. «солнце и весна») размещал объявление о знакомстве с женщинами. Его псевдоним в дальнейшем начал обозначать мошенничество посредством знакомств. Самым же известным человеком, за которым закрепилось это выражение в Швеции, стал Г. Раскенстам. В 40-х гг. XX в. он вступил в отношения с более сотней женщин с целью выманить у них деньги. С некоторыми из них он обручился. В итоге Г. Раскенстама осудили за растрату и назначили наказание в виде лишения свободы.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в плане словообразования имена собственные, а именно фамилии, выступают в качестве производящей основы при словопроизводстве. Из рассмотренных нами эпонимических существительных и глаголов зафиксированы корневые слова, аффиксальные производные, сложные слова. Среди эпонимических существительных распространенным является суффикс *-are*, среди эпонимических глаголов – суффикс *-era*, формант *-a*. Собственное же имя придает новообразованию значение исходя из особенных черт объекта. Определенную сложность представляет выявление периода существования эпонима в языке, что может быть вызвано его негативной коннотацией или наличием единицы для обозначения явления, события.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Vejdemo, S. Odödlighet genom ordet / S. Vejdemo // Språktidningen, augusti 2015.
2. Wiktorsson, P.-A. Personnamn som slang / P.-A. Wiktorsson // Språkminnet I. Från Nastastenen till Nerikes Allehanda. – Örebro: Högskolan i Örebro, 1997. – 139-143.

Материал поступил в редакцию 02.10.17.

EPONYMS WITH ANTHROPONYMIC MEANING IN SWEDISH

U.P. Prirodina, Candidate of Philological Sciences, Teacher
“Nordic School” (Moscow), Russia

Abstract. In this paper a number of eponymic nouns and verbs with anthroponymic meaning in the Swedish language and culture from the perspective of word building, etymology is considered.

Keywords: *eponym, Swedish, word building, etymology.*

UDC 80

THE PROS AND CONS OF BILINGUALISM. THE EXPERIMENT WITH NON-NATIVE BILINGUALISM – REFLECTIONS

Magdalena Grabowska, PhD
The University of Gdansk, Poland

***Abstract.** The paper discusses the issue of developing early childhood bilingualism. Its main thrust is to present the pros and cons of raising a bilingual child in a monolingual environment. In the paper the reader will find selected theoretical aspects related to bilingualism. Also the author presents a range of research findings concerning child's cognitive development and its relationship to language acquisition process. Eventually, the text contains certain remarks concerning an experiment that was carried out some years ago whose aim was to raise a Polish-English speaking child in a monolingual (Polish) environment.*

***Keywords:** language acquisition, monolingual environment, native and non-native bilingualism.*

Introduction

The herby paper elaborates on the notion of child's bilingualism, primarily on bilingualism cultivated in a monolingual environment. It is virtually impossible to precisely measure and assess the command and fluency in two or more languages. Language command either evolves into a more advanced form or deteriorates depending on the frequency of exposure to the language and the intensity of motivation to acquire it.

Scholars of varied provenience carry out a host of experiments to compare and contrast mono and bilingual children. They examine the influence or lack thereof on the development of verbal and nonverbal intelligence, various cognitive functions, referential and communicative nature of language, etc. Most of these experiments or nearly all of them are set in natural conditions, i.e. in families in which parents are of different ethnic origin or in bilingual countries such as Canada. We can easily come up with examples of bilingual children brought up in families of mixed origin, or in families of the same origin but living in a foreign country, or thirdly families, where parents are of mixed origin and live in a foreign country. In such families children are, so to speak, "naturally" exposed to two or more languages and cultures. Little or no research have been carried out on the phenomenon of early child's bilingualism cultivated in a monolingual environment. In view of these facts, the question that arises is whether bilingualism is possible in a monolingual family. What form will it have if we set bilingualism in such conditions? Maybe the form that emerges will be classified as early child's second language acquisition?

What pushed me to give the issue a thought was an almost three-year experience in developing bilingual command in my daughter. The other stimulus came from a befriended family who has also made an effort to raise a bilingual child and talks to other parents with the same experience. Encouraged by people I decided to start using English exclusively in communication with my child who was at the age of ten months then. The other family accepted the challenge as well. The only

difference was that in the befriended family it was the father who was responsible for communicating with the child exclusively in English. However, after almost three years of bilingual education I decided to stop it for a number of reasons, which will be referred to at a later stage.

One crucial aspect needs to be discussed at first, namely the differentiation between native bilingualism and the non-native one (aka: intentional bilingualism). The former applies to cases in which parents use their native languages while communicating with the child or to child's immersion into some foreign language speaking environment. The other category of bilingual education takes place in a monolingual family, in which one parent communicates with the child in a foreign language. Contemporarily, the popularity of early second language learning has increased dramatically. Children are exposed to more than one language much before puberty, usually as early as the pre-school level.

Strategies of developing bilingualism in a child

There are various strategies of raising bilingualism in children. According to existing classifications, bilingualism may be realised simultaneously or successively (Kurcz, 2007). Simultaneous bilingualism occurs when L2, the second language, is introduced before the age of three, whereas successive bilingualism can develop after the age of three. Moreover, scientific resources point at other strategies among which we distinguish such approaches as the strategy of person and the strategy of location. These are the most frequently used methods of bilingual education. The former occurs when one parent is of foreign origin and uses his/her native language in communicating with the others. If we consider a monolingual environment, however, assuming that one parent as well as other relatives and friends use one, the other parent assumes the role of a second language "teacher". Obviously, it is taken for granted that the parent in question must have a near native command of the language. Such a parent while speaking to the child uses only the second language whereas in communicating with the rest of the world s/he uses their native language. It is a mirror situation to the one from a naturally bilingual family. A foreign language speaking parent uses his or her native language in communicating with the child as well as with the rest of the world. However, a parent from a monolingual family uses his or her second language in communicating with the child.

As opposed to the strategy of person, the strategy of location seems an utterly natural solution, regardless of whether the family is of the same or of mixed origin. This strategy is based on the foreign language speaking environment in which the child becomes immersed usually at around the age of three or four. This age roughly marks the turn into social interaction. The child starts assimilating with peers on the playground or in pre-schools. Later on, the moment he or she starts attending a regular school, the child becomes even more familiar with the foreign language speaking society. In this case the source of knowledge and L2 competence comes from the surrounding environment in which the child sojourns.

We may continue enumerating other strategies of bilingual education such as alternating or time strategy yet they seem irrelevant for the current purpose of the research.

The aforementioned monolingual families assumed the strategy of person for their endeavours.

Bilingual Mind

The research carried out in monolingual families, due to lack of reliable resources in this matter, draws its fundamental theoretical basis from the results of experiments performed in naturally multilingual areas or in naturally multilingual environments. Thus it is essential to present the current findings in this field based on bilingualism cultivated in natural conditions. Let us first concentrate on bilingual mind as opposed to the monolingual one. Otto Jespersen (1922) claimed that a human has at their disposal a limited amount of intellectual capacity and a bilingual person has to split the capacity into two. Such belief is scientifically groundless. Ellen Bialystok (2001, 2005) proved a beneficial influence of bilingualism on a number of cognitive processes such as blocking unwanted reactions or ignoring irrelevant information (see also Peal and Lambert, 1962; David Green 1998).

What is more, she discovered a tremendously salutary impact of bilingual mind on senile dementia. Contemporary models of bilingual mind reject the classical conception of bilingualism according to Weinreich (as cited in Kurcz, 2007, pp.29-30) who stipulated that two languages function separately, independently and become switched off or on respectively. It is now believed that languages in a bilingual mind are right there ready to be activated all the time. They coexist in the so called mixed mode. A bilingual person in a monolingual environment sort of turns down the other language, whereas in a bilingual one the two languages are constantly at hand, which results in code switching and using loan words. Scholars mention the phenomenon of interlanguage. It describes a situation in which both languages influence each other but not in terms of errors resulting from a negative transfer but in terms of conscious language games. In such cases speakers code switch, create calques or use loan words on purpose.

Psycholinguists design various models of bilingual mind. One of them, proposed by Francois Grosjean ([1997] as cited in Kurcz, 2007, p. 31), is called BIMOLA, which stands for Bilingual Model of Lexical Access. According to this model, one common system of distinctive phonemic features is divided into two subsystems separate for each language. The same rule applies to lexicon, which is subdivided into two subsystems. These subsystems bear internal connections as well as external ones that link them together. Bimola is a so called non-selective model of bilingual mind. It is contrasted with the selective one, which proved inadequate in more contemporary research. In this and similar non-selective accounts of bilingual mind each language is linked with the common conceptual system and the two languages bear mutual connections.

Research methods and results of experiments on bilingual children

Psycholinguists carry out a number of experiments to examine the development of language competence in bilingual people. The experiments also aim at comparing and contrasting certain intellectual abilities of mono and bilingual children. It turns out that in some experiments bilingual informants seem better equipped with particular functions and in others there is virtually no difference between these two groups at all. Kurcz (2007) presents methods employed in psycholinguistic experiments. In one test people are asked to translate a text from one language into another and conversely. In other cases informants are requested to assess grammatical correctness of sentences in the second language, to create stories, or to interpret the story they see in pictures. There are also lexical tests which assess word selection decisions. A person is presented with a sequence of letters and then asked whether they form a meaningful set, i.e. a word. The person being tested is supposed to name objects or scenes presented. Yet another technique, called Charles Osgood's Semantic Differentiation, consists in presenting informant with a list of antonymous pairs of adjectives and then asking them to mark on a seven point scale the degree of antonymy in these pairs.

The method to examine the phonological component, on the other hand, is to test informants' perception and production of phonemes in L2. This component is the most difficult element of language competence, which makes it liable to transfer.

A host of psychological and psycholinguistic experiments are designed to support or knock down the arguments for a beneficial influence of bilingualism on intelligence. There is a test of verbal association designed by Wallace Lambert ([1956] as cited in Peal and Lambert 1962, pp.1-23), in which children are to find as many synonymous or polysemous words to the word provided as possible. In the test of word detection by Havelka and Gardner ([1959] 1962, pp.1-23) informants are supposed to find words in sequences of letters. The Peabod' pictorial test described in the work by Lloyd M. Dunn ([1959] 1962, pp.1-23) enables scholars to differentiate between written and spoken language command of informants. This test is based on a series of cards illustrating objects of activities. The experimenter utters a word-name in English, and the informant is to point at a right card.

Verbal and non-verbal intelligence of bilingual children as opposed to monolingual

In a number of experiments researchers are concentrated on intellectual characteristics of bilingual children. In other words, they examine the development of cognitive functions in children and, in particular, the notion of intelligence. The results of a series of experiments on children attending French schools in Montreal were surprising for scholars. That research proved a higher IQ level in bilingual children than in monolingual ones. Those were both verbal and non-verbal intelligence tests. Bilingual students scored better particularly in non verbal tests, i.e. in Basic Spatial and Perceptual Skills Test and Basic Mental Abilities. In a subtest to Basic Spatial and Perceptual Skills Test, which is based on figure grouping, called Raven's Progressive Matrices Test ([1956] as cited in Peal and Lambert, 1962, pp.1-23), children had to rearrange concepts and relations that hold among them. In short, children were faced with spatial and perceptual requirements as well as rearrangement of symbols (manipulating figures and putting a picture together). As a result, the bilingual children performed better in these tests than the monolingual ones.

What is more, bilingual children achieved better results in verbal intelligence too. On the word of the authors of these experiments, bilingual children are additionally predisposed to broaden their intellectual skills. They possess an extra "asset" which enables them to increase their intellectual capacity. We should, however, note that the group of children in question demonstrated the so called full bilingualism, i.e. the one in which the command of the two languages is equally fluent. Thus the intellectual superiority in verbal and non-verbal tests should pertain chiefly to children with a so called coordinate bilingualism, which means equal mastering of two languages.

Bearing in mind the aforementioned results, one is inclined to inquire about the reasons of the differences. According to one hypothesis, a bilingual child has two language symbols for each object ready to activate. Starting from early childhood a bilingual child is exposed to the conceptualization of surrounding events as related to some general features and irrespective of language. The bilingual children earlier than the monolingual ones develop the ability to think in abstract terms. Bilingualism enables them to separate the sounds of each language from its senses. They also quickly become skillful while code switching. They make an effort to solve a problem in one language and if they fail, they change for the other language. Such findings prove the hypothesis of double perspective that bilingual children achieve, which enables them to broaden their cognitive capacity.

Bilingualism and child's cognitive development

Yet other research carried out on bilingual children reveal very interesting peculiarities. It turns out that they can better adapt to new conditions. In a series of experiments carried out by Zelazo and his collaborators ([Frye, Zelazo and Palfai, 1995; Jacques, Zelazo, Kirkham and Semeco, 1999; Zelazo and Frye, 1997; Zelazo, Frye and Rapus, 1996] as cited in Bialystok, 2005, pp. 417-432) bilingual and monolingual children were supposed to classify cards according to one criterion, for instance colour. The results that these two groups achieved were comparable. However, at a later stage children were asked to arrange cards according to a new rule, such as for example shape. Scholars noted one regularity in the monolingual group, namely they did not manage to switch to a new criterion while arranging cards. Conversely, the bilingual group immediately implemented a new rule, which shows that such children can faster and better adjust to new conditions. What makes bilingual children more predisposed to perform such tasks is the ability to concentrate selectively and to redirect certain features of stimuli placed in the available field of vision. At the onset children encode stimuli as instructed by the first rule. The moment a new rule is implemented, the old one becomes obsolete and objects must be encoded once again.

Other crucial finding came from the false belief test. The informants were supposed to recognize misleading information. The tests designed for these experiments are based on two conflicting states: before and after implementing the change. The child's task was to guess which state he or she had to refer while coming up with the answer. Again the results came as a surprise to scholars as the bilingual group outdid the monolingual one. Similar results were arrived at in the experiments carried out in 2004 by Ellen Bialystok and Senman, in which children were to solve the task

of false appearance-reality type. Bilingual and Monolingual four-year old children were shown objects, which seemingly resembled other objects. There was a sponge deceptively similar to a stone, or a pencil box holding Lego blocks. There were also 3 questions that followed the test. The first two concerned the appearance of the objects, i. e. the way they looked at first sight. The third one, however, was about the actual situation, that is what object they really were. As a result, the answers for the first two questions were alike in both groups, whereas the third question turned out to be easier for the bilingual group. This question requires ignoring false appearance and assessing the real situation based on the evidence and rules provided at the onset. This task definitely called for disregarding pretense and misleading information.

The experiment with non-native bilingualism – observation-based reflections

The literature devoted to the idea of bilingualism points out that the acquisition and development of the functions of language in mono and bilingual children are likewise. However, the research carried out on bilingualism assume equal command of two languages. What is more, the languages are acquired or learnt in natural conditions and environments, in which both languages are officially recognized. However, if we take into account children raised to become bilingual in monolingual environments, we might doubt whether it is possible to acquire two languages with the same speed and to arrive at the same level of proficiency. No doubt, this method is unusual as it is devoid of natural connection and interaction with all the specificity of the other language, i.e. native speakers, culture, customs and habits, etc. It is very probable that parents of the same origin make all the effort to get in touch with the target country.

At this point, however, let us analyze the issue of the development of the functions of language in such children. During my observations, what came into view at first sight was certain discrepancy between the case of the family in which the mother was the source person and the case in which the role fell on the father. For certain reasons using L2 in communication with the child by the mother turned out unsuccessful. The child's L1 and L2 acquisition fluency decreases or the child refuses to use that language at all or, which was worse, the child stopped speaking at all. However, considering the other case in which the father was responsible for bilingual education of the child, the results seemed astounding. The boy from the aforementioned family at that time had been exposed to English for about three years and as a four-year old child, he could almost successfully communicate with his father and other persons in English. He learned and developed new phrases and extended his range of vocabulary simultaneously in two languages. He not only grasped the sense of stories read to him or films shown, but was able to use the language in order to refer to entities that he encountered. Being with his father and other people, he interchangeably used the two languages knowing when to use which. In other words, it is clearly visible that the child was close to mastering his referential function of language. Conversely, at the time he evaded dialogues with peers and other persons he already knew apart from parents and grandparents. While playing, he used referential function to describe the activity he was doing or to carry out monologues. He did not use a dialogue as part of discourse in playing despite contacts with peers in preschool corner. He was still not fully able to socialize, to communicate with peers, or to take roles as children at his age often do. Addressing himself, the child still tended to use the third person singular. All in all, it seemed that the pragmatic function of language had not been entirely activated in the child yet.

Coming back to the discussion of the reasons that might hinder the development of bilingualism in families with mother as a source person, I would like to try and delineate possible causes of the discrepancy.

Let me venture a hypothesis that one of the main reasons behind the failure to raise a bilingual child in a monolingual environment, with mother as a source person, is her code. Code understood as the totality of verbal and nonverbal characteristics of mother tongue that the child is faced with the moment he or she is able to hear. The mother's code, also addressed as motherese, because of its peculiarities and specificity constitutes a sort of idiolect linking mother and child. Being so idiosyncratic, this code at the same time bears audible properties, i.e. phonetic and suprasegmental

features of the language of the environment in which the child sojourns. A variable system of codes that the mother speaks may become, and in many case have become, a source of confusion for a child.

Conversely, the success or semi-success, for the time being, of bilingual education in monolingual families in which the father assumes the role of the so called source person stimulates me to ask one question more. Namely, what circumstances need to occur and what stimuli are at work when the father is a source person. Statistically, it is the mother who spends more time with the child than the father and it is the mother who is usually engaged in spurring the child's language development. In the family in question, the boy was exposed to the communication with his father only for some time during the day. Hence, the period of exposure to the communication in his native language which he hears from his mother, grandparents, and peers in pre-school was much longer than the time he spent with his father. Yet, the success of raising a bilingual child or at least an almost bilingual one seems within arm's reach in this case. Considering my own experience with bilingualism, I should say that my child was often faced with the problem of lexical and structural transfer, formed language calques, wrestled with third person singular with reference to oneself longer than other children, acquired speech impediment such as lisping, and fixed the English language place of articulation of the phoneme /r/. She learnt a great host of lexical items and some grammatical constructions. Yet her overall linguistic development was too slow and showed signs of confusion.

To sum up, I should admit that due to insufficient number of informants it is fairly difficult to compare and contrast cases and eventually draw more trustworthy conclusions. The other question that remains unsolved is a more in -depth comparison of the native vs. non-native method of cultivating bilingualism in children as well as the impact of the latter on the general cognitive development. Another issue worth paying attention to is the said disparity in educating bilingual minds between cases in which the mother is as a source person and cases in which this role falls on the father. Eventually, attention should be paid to the comparison between early second language learning and the issue being elaborated on in the herby paper.

REFERENCES

1. Bialystok, E. *Bilingualism in Development: Language, Literacy, and Cognition*. New York: Cambridge University Press, 2001.
2. Bialystok, E. *Consequences of Bilingualism for Cognitive Development*. In: J.F. Kroll, A.M.B. De Groot (Ed.), *Handbook of Bilingualism*. New York, 2005.
3. Dunn, L.M. *Peabody Picture Vocabulary Test*. Tennessee: American Guidance Service, 1959.
4. Green, D. W. *Mental Control of the Bilingual Lexico-Semantic System*. *Bilingualism: Language and Cognition*, 1 (pp. 67-81), 1998.
5. Grosjean, F. *Life with two Languages. An Introduction to Bilingualism*. Cambridge MA: Harvard University Press, 1982.
6. Grosjean, F. *Processing Mixed Languages: Issues, Findings, and Models*. In: A.B.M. De Groot, J.F. Kroll (Ed.), *Tutorials in Bilingualism: Psycholinguistic Perspective* (pp. 225-253). Mahwah NJ: Erlbaum, 1997.
7. Jespersen, O. *Language*. New York: Holt, 1922.
8. Kurcz, I. (Ed.). *Psychologiczne aspekty dwujęzyczności*. Gdańsk: Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne, 2007.
9. Lambert, W. E. *Developmental Aspects of Second-Language Acquisition: I. Associational Fluency, Stimulus Provocativeness, and Word-order Influence*. *Journal of Social Psychology*, 1956.
10. Peal, E., & Lambert, W. E. *The Relation of Bilingualism to Intelligence*. *Psychological Monographs*, 1962.
11. Osgood, C. E., & Suci, G. J., Tannebaum, P. H. *The Measurement of Meaning*. Urbana: University of Illinois Press, 1957.
12. Raven, J. C. *Coloured Progressive Matrices: Sets A, Ab, B*. London: Lewis, 1956.

Материал поступил в редакцию 13.10.17.

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ БИЛИНГВИЗМА. ЭКСПЕРИМЕНТ С ПРИОБРЕТЕННЫМ БИЛИНГВИЗМОМ

Магдалена Грабовска, PhD
Гданьский университет, Польша

***Аннотация.** В данной статье обсуждается вопрос развития раннего детского билингвизма. Основное внимание уделено плюсам и минусам воспитания ребенка-билингва в одноязычной окружающей среде. В работе представлены теоретические аспекты, связанные с билингвизмом. Также автор представляет ряд результатов научной деятельности относительно когнитивного развития ребенка и его отношения к процессу овладения языком. Кроме того, текст содержит определенные замечания относительно эксперимента, проведенного несколько лет назад, чья цель состояла в том, чтобы воспитать польско-англоговорящего ребенка в одноязычной (польской) окружающей среде.*

***Ключевые слова:** овладение языком, одноязычная окружающая среда, родной и неродной билингвизм.*

УДК 81

ТЕКСТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ЮРИДИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ КАК ФЕНОМЕН МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ЮРИСТОВ

М.В. Боровкова, кандидат филологических наук, доцент
Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург), Россия

***Аннотация.** Статья посвящена выявлению специфических инвариантных тенденций текстов юридической интерпретации и юридического толкования, определяющих их лингвостилистический статус, и на основе которых можно выделить два самостоятельных типа текста юридической интерпретации и юридического толкования. Содержание этих типов текстов определяет правовая система того или иного общества, привлекая их к миссии посредничества в профессиональной межкультурной коммуникации юристов.*

***Ключевые слова:** текст юридической интерпретации, текст юридического толкования, межкультурная коммуникация, тип текста.*

Современное поликультурное общество требует сегодня преодоления не только языкового, но и межкультурного барьера между коммуникантами. Признание существования межкультурного различия позволяет осознать, что у каждого государства существуют свои правовые и социальные нормы, правила, модели мышления и поведения, которые находят свое отражение в языке. Значение языка в культуре любого народа трудно переоценить. Язык представляет собой средство выражения мыслей, средство общения. Коммуникативная функция языка предполагает, что без языка любые формы общения становятся невозможными. Вербальным выражением языкового общения в праве выступают тексты юридической интерпретации и юридического толкования. Данные типы текстов мы можем рассматривать как феномен межкультурной коммуникации, поскольку категориальное содержание этих типов текстов является непосредственным выразителем правового сознания общества и соотносится, таким образом, с общей системой юриспруденции. При этом под межкультурной коммуникацией следует понимать совокупность разнообразных форм отношений и общений между индивидами и группами, принадлежащих к разным культурам и языкам [3, с. 10].

Тексты юридической интерпретации и юридического толкования, как носители правовой языковой картины мира того или иного народа, выступают посредниками в осуществлении коммуникации между различными правовыми системами и помогают раскрыть особенности их правоприменительной практики. Решая спорные вопросы, юрист, обращаясь к текстам юридической интерпретации и юридического толкования правовых норм того или иного государства, часто не осознает разницы между данными типами текстов. Идентификация текстов юридической интерпретации и юридического толкования и их неправильное применение на практике может привести к правовым и судебным ошибкам. Отсюда особое значение приобретает описание специфических черт и признаков текстов юридической

интерпретации и юридического толкования, позволяющих отграничить их друг от друга.

Согласно концепции Маровой Н.Д. [2] существуют особые парадигмы интерпретации и толкования, позволяющие дифференцировать данные типы текстов: объект, предмет, цель, содержание, формы выражения, способ действия. Каждый из перечисленных парадигматических факторов создает в рамках ментальных процедур юридической интерпретации и юридического толкования свою собственную сферу семантических характеристик. Так образуется совокупность шести семантических сфер юридической интерпретации, которые именуется как: юридический теататив, юридический медиатив, юридический претатив, юридический перспектив, юридический текстатив, юридический метаксатив; и совокупность семантических сфер юридического толкования: юридический герменевтив, юридический тематиатив, юридический трансферентив, юридический контенсив, юридический текстатив, юридический мультипликатив. Каждая из этих сфер имеет свою лингвостилистическую специфику и свои функции. В процессе экспликации юридической интерпретации и юридического толкования одна из этих сфер приобретает доминирующее значение, определяя стратегическую направленность всех остальных семантических сфер. Эта направленность обуславливает тот или иной тип текста (юридической интерпретации и юридического толкования).

Рассмотрим кратко каждый из парадигматических факторов в рамках текста юридической интерпретации и текста юридического толкования [1, с. 20].

Объект текста юридической интерпретации, юридический теататив, - ситуация, юридические факты, юридическое понятие, юридическая концепция; объект текста юридического толкования, юридический герменевтив, - норма права, правовой закон, правовой тезис, правовая концепция, правовое понятие.

Предмет текста юридической интерпретации, юридический медиатив, - норма права, правовой закон, правовой тезис, правовая концепция, правовое понятие; предмет текста юридического толкования, юридический тематиатив, - тематические области, в которых проявляется действие нормы права.

Цель текста юридической интерпретации, юридический претатив, - правовая квалификация теататива; цель текста юридического толкования, юридический трансферентив, - формирование сущностного содержания герменевтива.

Содержание текста юридической интерпретации, юридический перспектив, - правовые картины видения, носителями точек зрения которых выступают субъекты правоотношений; содержание текста юридического толкования, юридический контенсив, - совокупность правовых референциальных картин, носителем которых является законодатель.

Способ интерпретационного действия, юридический метаксатив, - область аргументации правомерности вынесения интерпретационного решения относительно правовой квалификации теататива; способ действия юридического толкования, юридический мультипликатив, определяется распространением нормы права на новые содержательные области права.

Формой выражения текстов юридической интерпретации и юридического толкования служит вербальный текст с правовой семантикой.

При этом совокупность семантических сфер обнаруживает в тексте юридической интерпретации стратегическую направленность на сферу юридического медиатива, а в тексте юридического толкования на сферу юридического мультипликатива.

Таким образом, под текстом юридической интерпретации следует понимать вербальную экспликацию модели медиативной направленности всех семантических сфер текста, а под текстом юридического толкования следует понимать вербальную экспликацию модели мультипликативной направленности всех семантических сфер текста.

Уяснение юристом разницы между текстами юридической интерпретации и юридического толкования способствует более адекватному пониманию правовой системы того или иного государства и успешному осуществлению межкультурного общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боровкова, М.В. Лингвостилистический статус текстов юридической интерпретации и юридического толкования. автореф. дис. ... канд. филол. наук. / М.В. Боровкова. – Екатеринбург: УрГПУ, 2002. – 23 с.
2. Марова, Н.Д. Парадигмы интерпретации. Монография, 2 ч. / Н.Д. Марова. – Екатеринбург, 2006.
3. Садохин, А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие / А.П. Садохин. – М.: КИОРУС, 2014. – 254 с.

Материал поступил в редакцию 01.11.17.

TEXTS OF LEGAL INTERPRETATION AND LEGAL CONSTRUCTION AS PHENOMENON OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION OF LAWYERS

M.V. Borovkova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Ural State Law University (Yekaterinburg), Russia

***Abstract.** This article deals with the identification of specific invariant tendencies of texts of legal interpretation and legal construction defining their linguostylistic status and on which basis it is possible to allocate two independent text types of legal interpretation and legal construction. The content of these text types is determined by the legal system of this or that society, involving them in mediation mission in professional cross-cultural communication of lawyers.*

***Keywords:** text of legal interpretation, text of legal construction, cross-cultural communication, text type.*

UDC 80

GRAMMATICAL VOICE IN ENGLISH ENGINEERING, MEDICAL AND SURGICAL DISCOURSE: FROM INSTRUCTIONS TO USAGE

T.V. Musinova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Applied Languages
Upper-Alsace University (Mulhouse), France

***Abstract.** Through the analysis of scientific style manuals and “house styles”, we established the state of recommendations regarding the use of the active/passive in research articles (RAs). To verify whether the rules prescribed in manuals and style guides are followed by researchers, some recommendations regarding grammatical voice were compared with the actual use of the active/passive in the research articles. A corpus of research articles was analysed to determine the similarities and/or discrepancies as for the distribution and the frequency of passive forms. We also examined writing strategies with regard to the passive according to knowledge field.*

***Keywords:** scientific writing, style guides, editorial instructions, active/passive voice.*

1. Introduction

Since the 1990s, the debate over the use of grammatical voice in scientific writing has regained the interest of linguists and researchers in specialised discourse. In applied linguistics, publications by Banks [3], Hyland [13], Beaufrère-Bertheux [4], Dudley-Evans and St. John [8], Wanner [33], Livnat [18], and Reutner [25], to cite only the most well-known, have considered the passive voice as an inherent characteristic of scientific writing. For Dudley-Evans and St. John, the passive is principally used to refer to standard procedures or to prior research [8, p. 76]. Passive constructions can serve to avoid any reference to an agent [3, p. 13] and permit readers to concentrate instead on the results of the experiments. The studies by Beaufrère-Bertheux and Hyland address the problem of the use of the passive, as a hedging strategy, which enables writers to put forward ideas and interpretations without explicitly assuming responsibility for them [4, p. 12] and to “protect their reputations and limit the damage which may be incurred from categorical commitments” [12, p. 444]. According to Livnat, the passive voice as well as grammatical metaphors and impersonal turns that maintain the subjective tone of scientific text [18, p. 109]. For Reutner, the passive represents a medium of objectivity, neutrality and modesty, all characteristic of quality scientific discourse [25, p. 80]. For Wanner, passive structures can be motivated by information structure needs: “[...] it also makes it possible to order the information in such a way that it is contextually suitable [...]” [33, p 38].

However, the status of the passive was brought into question. According to Sheen, an expert in medical writing: “Passive voice is the bane of medical writing. It pervades medical literature with the haze and heaviness of stagnant air. Writers sometimes use passive voice in an attempt to sound scholarly and scientific, when actually they are perpetuating a writing tradition that is fraught with ponderous and obscure language” [28, p. 21-22].

In the same way, the researchers actively questioned the advantages of active verbal forms [13], [15], [22], in the international scientific journal *Nature* in 1996 in which the criticisms of writing

in the passive have consistently emphasised. In 2009, Sigel described this grammatical form as one of the ways in which scientific writing becomes less convincing and precise [29, p. 478-480].

This literature review highlights the status of the passive, which for several decades of the XXth century, has been deemed as synonymous with the objective, polite, and modest style of the researcher. Through the use of the passive, researcher implements the discursive strategy enabling to protect himself from responsibility, hedge claims, and sound more erudite and sophisticated. Nevertheless, by the end of the XXth century, the predominance of the passive became less evident whereas the active was more and more commonly recommended in scientific writing.

Taking into consideration this growing criticism of the passive, the goal of this study is to address the use of verbal constructions in natural science journals. In particular, journals in general medicine, surgery and mechanics will be considered. First, the analysis of scientific and medical writing manuals whose purpose is to prescribe stylistic and discursive rules in order to standardise writing, and style guides by editors of scientific journals will be carried out. Then, the state of recommendations regarding the use of grammar voice in research articles will be established. Secondly, based on the data obtained, the distribution of the passive on the textual level and its frequency according to the domain will be analysed. Furthermore, to observe whether the rules prescribed are followed, we will compare them with the use of the active and passive in a corpus of articles.

2. Analysis of Instructions on the Passive in Style Manuals and House Styles

The goal of this chapter of the study is three-fold: first, to study whether the recommendations of scientific writing manuals about the grammatical category in question have stabilised; second, to analyse the instructions provided in respect of the active/passive voice, and finally, to observe the way in which these instructions are formulated.

Writing handbooks perform a didactic role through the education and specialisation of future researchers in hard and natural sciences. They provide information on the different types of scientific discourse, from thesis writing to oral presentations in conferences and publication of research articles. If manuals convey information on essential elements of scientific writing, do they provide the instructions on the choice between the active and passive? If so, what is the manner in which they are given to researchers.

The analysis was focused on the handbooks used for pedagogic purposes for a public of researchers in the fundamental sciences. They are most commonly written by experienced scientific researchers, medical doctors, and editors. These sources were divided into two groups: the first (group A) refers to scientific writing manuals, and the second (group B) refers to manuals bearing on medical writing.

The randomised study of manuals showed the divergence between the two categories of resources was not significant. The two groups of manuals, published between 1990 and 2015, provided information in a quasi-similar way. They enabled to state that the current tendencies regarding the grammatical voice are unanimously turning towards the active. Likewise, they agreed with regard to the shortcomings of writing in the passive. The results of this analysis are shown in *Table 1*.

Table 1

Recommendations on the use of the passive in scientific and (bio)medical writing handbooks

Group A: Mechanics		Group B: Medicine	
Yang & Yang (1995)	experts [...] prefer the active voice, which is more direct, [...] sounds more natural, and usually saves words [34, p. 15].	Albert (2000)	The disadvantages of the passive are that it is longer and less vigorous, and can be harder to understand [1, p. 137].
Lebrun (2007)	[...] beware of the passive voice [13, p. 47].	Taylor (2011)	We are definitely moving toward using more active voice in medical writing, especially in reporting original research [33 p. 41].
Lichtfouse (2009)	The author will adopt a personal writing style [...] un style personnel [17, p.31].	Ribes <i>et al.</i> (2009)	Keep your language simple. Use short, concrete words and sentences rather than long, cumbersome ones. Use active rather than passive forms of the verbs [26, p. 131].
Cossette (2009)	Good usage of a language suggests [...] not having recourse to passive sentences [6, p. 83].	Maisonneuve <i>et al.</i> (2010)	The use of “I” or “we” remove the ambiguity [19, p. 138].
Rabinowitz & Vogel (2009)	Use direct and “strong” nouns and simple, active verbs to convey information [23, p. 26].	Rogers (2014)	While the passive style of writing used to be the favored voice in the past, it is the active voice that is clearly preferred today [27, p. 4].
Cargill & O’Connor (2010)	We agree that the passive is [...] over-used [5, p. 36].	Goodman <i>et al.</i> (2014)	It is to some extent a matter of fashion, but fashion is now turning against the passive [9, p. 221].

According to these data, it became possible to assume that researchers in hard and natural sciences receive the same instructions regarding research writing style from the moment they acquire skills in scientific writing.

Further observations were dealing with scientific journals and their recommendations with regard to the voice. While submitting articles, researchers have to follow detailed instructions for authors of manuscripts commonly called “house style” which differ from one journal to another. They unanimously advocate clarity of thought and expression, technical precision in the presentation of figures and charts, terminological coherence and bibliographic references. To know whether “house styles” provides recommendations with respect to the grammatical voice, a corpus of international peer-reviewed journals was chosen.

They were divided into two groups. On the one hand, there was the group of three general scientific journals (group A): *Science* (the American Association for the Advancement of Science), *Nature* (Nature Publishing Group, United Kingdom), and *Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS)* (United States National Academy of Science). On the other hand, examined three scientific medical journals was examined (group B’): *Journal of the American Medical Association (JAMA)*, (United States), *British Medical Journal (BMJ)* (Publishing Group, Ltd, United Kingdom), and *The Lancet* (Elsevier, United Kingdom).

The analysis of the editorial instructions from the above-mentioned journals revealed univocal results (Table 2) as far as the use of grammatical voice is concerned:

Table 2

**Instructions on the use of grammatical voice in style guides for the authors
in general scientific journals (group A) and medical scientific journals (group B)**

Group A: Science		Group B: Medicine	
Nature	No mention	BMJ	Write in the active and use the first person
PNAS	No mention	JAMA	In general, authors should use the active voice
Science	No mention	The Lancet	Use the active voice to shorten sentences.

In this case, the retrieved data underscored a split in the instructions that was not evident in style manuals. As *Table 2* shows, biomedical journals draw a particular attention to the use of grammatical voice. They recommend that authors of manuscripts write in the active voice, contrary to the general scientific journals, which do not even mention this grammatical aspect. Thus, they seem less attentive to the use of verbs in the passive.

Furthermore, it was assumed that, if style manuals and “house styles” of biomedical reviews privileged the active over the passive, they should provide more detailed recommendations (i.e. discursive and textual characteristics, type of verbs) regarding the use of active/passive verb forms. The analysis of style manuals revealed that they all include indications on the grammatical voice. Among the indications in favor of writing in the active, the most frequent are those which deal with the discursive domain, namely:

- the clarity of the message: “[...] *when you need to get a clear message across quickly*” [1, p. 138], “[...] *our time constraints with both the writing and reading of scientific information call for an unambiguous language involving active verbs and personal pronouns wherever possible*” [27, p. 50];

- the simplicity of expression: “Keep your language simple. *Use short, concrete words and sentences rather than long, cumbersome ones. Use active rather than passive forms of the verbs*” [26, p. 131];

- the directness of writing: “*Use the active voice most of the time because it is more direct [...]*” [26, p. 51], “Used sensibly it does *lend a paper a directness* that gives readers the sense that the writers actually did the work, or hold the opinions, that they describe” [9, p. 221].

Moreover, it is to be noted that even if Goodman *et al.* [9] and Maisonneuve *et al.* [19] recommend writing in the active, they criticise it especially when used with the English personal pronouns I and we, which violate the modesty and discretion of the researcher: “I and we give, in literature, a slightly pretentious impression that justifies the recourse to the ‘*passif de modestie*’” [19 p. 131]; “[...] the first person sounds somehow immodest” [9, p. 221].

However, from the point of view of the writing practice, the recommendations mentioned above seem vague, difficult to interpret and apply. How should one interpret Rogers’s advice: “[...] use active verbs and personal pronouns *wherever possible*?” What exactly does the adverb “wherever” mean? What is implied by the adjective “possible?” Similarly, when Rogers writes “passive verbs should not exceed 30 %,” there remains the difficulty of knowing how the verbs should be according to the article sections not to exceed this percentage.

As for the “house styles” from the biomedical journals, the instructions on the use of voice vary considerably. *The Lancet* gives, the most complete information. This journal provides recommendations that refer, first, to the specificities of the discursive pragmatics of grammatical voice by indicating that the active contributes to the concision of expression: “Use the active voice to shorten sentences.” Second, from the point of view of the reception of the text, the active voice tends to make the reading and comprehension of the text more accessible to the audience: “[...] the active voice will usually shorten sentences and make them more dynamic and interesting for the reader.” Finally, as far as the textual aspects are concerned, the editor explicitly indicates the article section in which the passive can be used: “The passive voice can be used in the Methods section of a paper.” *JAMA* provides fewer details: “*In general, authors should use the active voice*” and provides only some indications on discursive pragmatics: “[...] use the active voice, except in instances

in which *the actor is unknown* or the *interest focuses on what is acted on*.” The recommendations from *BMJ* remain the most ambiguous and contain only one fragment evoking recommendations on the use of the active/passive: “Write in the active and use the first person *where necessary*.” In the same way as Rogers’s above-mentioned expression: “use active verbs and personal pronouns *whenever possible*,” the adjectival expression “where necessary” lends itself to confusion, for, on the one hand, the qualifier adjective implies semantically a clearly determined need, which is not the case here. On the other hand, using the place adverb, “wherever,” the editors provide no specification on the types of sentences.

Thus, the recommendations of the journals under analysis, even though they encourage authors to write articles in the active voice, provide few details on the choice between the active and the passive. These details deal with a limited range of pragmatic, discursive, and textual aspects. Moreover, the formulation of these recommendations remains equivocal, which may represent a constraint for the author. Furthermore, they do not provide information on, among other things, the semantic types of verbs to be used in the passive or active.

3. Passive in Research Articles of the Corpus

In order to verify if there exist any discrepancies between the recommendations described above and the use of verbs in the active and passive in scientific writing. To achieve this purpose, we conducted a distributional analysis of the active and passive forms of the verb groups in a corpus of scientific articles. This analysis was carried out on three sub-corpora of articles from journals in general medicine: *The Lancet*, *European Journal of Internal Medicine*, *American Journal of Medicine* (sub-corpus 1), in thoracic and cardiovascular surgery: *Journal of Vascular Surgery*, *Journal of Thoracic and Cardiovascular Surgery*, *European Journal of Vascular and Endovascular Surgery*, hereafter referred to as “sub-corpus 2”), and in engineering sciences: *Carbon*, *European Journal of Mechanics – A/Solids*, *Journal of the Mechanics and Physics of Solids* (sub-corpus 3).

Each of these journals are published by the editorial group Elsevier. Within each sub-corpus, we studied articles published during the period from December 2016 to May 2017. The articles were chosen randomly. Furthermore, our study can be qualified as qualitative and probabilistic.

3.1. Pearson’s Test of Independence

Starting from the observation that the three sub-corpora were governed by the same stylistic recommendations issued by Elsevier, the distribution of the active and passive forms according the sub-corpus was analysed. To do this, Pearson’s independence test of χ^2 was applied [7, p. 399]. This is a statistical test used in corpus linguistics, notably when highlighting variations between corpora [24], according to different variables [21], [32]. In particular, the attention was drawn to the distribution of the active/passive forms which varied according to the area. The analysis was started from the hypothesis formulated as follows: “The distribution of the active/passive forms does not depend on the type of sub-corpus”. The χ^2 test revealed that the most important gap between the sub-corpora is related to the use of the active form in the sections Method, Results, and Discussion for the sub-corpus 1 (936 expected occurrences against 1142 observed occurrences). Thus, doctors in general medicine use the active form more frequently than theoretically expected in comparison with thoracic and cardiovascular surgeons and mechanics. Moreover, the results showed that engineers in mechanics use the active less frequently than theoretically expected (722 observed against 907 expected).

3.2. “Passive verbs should not exceed 30 %”

As suggests Rogers [27, p. 51], passive forms should not exceed 30 % of all verb forms in research article. Thus, it was decided to put to the test whether there existed a gap between this supposedly “normative” rate and the use of the passive in the writing practice.

To do this, we retrieved all the active and passive verbal forms with the aid of an analytical and corpus management software, *Sketch Engine*¹, allowing the examination of texts according

to the grammatical categories and parts of discourse. The average values of the active and passive were calculated in each sub-corpus. The results of the analysis showed the general medicine sub-corpus 1 tends toward the recommended 30 percent: 71 % in the active against 29 % in the passive. The values in the surgical corpus (sub-corpus 2) are farther from the recommended rate (58 % of verbs in the active vs. 42 % of verbs in the passive). This gap gets larger in mechanics RAs (sub-corpus3), with 51 % of verb forms in the active and 49 % of verb forms in the passive. These results thus lead to the conclusion that the rate of passive forms, on average, exceeds by 10 % the rate of 30 % suggested by Rogers.

Moreover, from a diachronic point of view, these results can be compared with those described, first, by Amdur *et al.* [2]. His study bore on a corpus of biomedical articles but dating from the year 2006, in which the authors admitted that the 10 % rate of passive constructions was a reasonable fixed upper limit in RAs: “Our data suggest that a passive voice frequency of 10 % is a reasonable upper limit for all types of medical articles” [2, p. 103]. Secondly, the overview of Leong’s study [16] who, having analysed a corpus of articles from several scientific disciplines published in 2013, shows that the norm of usage of the passive voice draws near a value of 30 %: “Based on the results, *the proportion of passives in scientific writing may stabilize at about 30 %*” [16, p. 1]. This comparison demonstrates that the results we obtained in respect of the passive were higher than those obtained by Amdur *et al.* [2] and Leong [16].

3.3. “The passive voice can be used in the Methods section of a paper”

Next, to make sure whether the verbs in the passive were mostly used in the Method section as prescribed by the editor Elsevier, a distributional analysis was suggested. Such an analysis on the textual level took into consideration the sum of the environments in which a linguistic element was found. In other words: “[...] the sum of all the (different) positions of an element in comparison with other elements” [10, p. 15-16].

Thus, the distribution of the active and passive forms was observed according to RAs’ sections following the model “Introduction – Method - Results - Discussion” (IMRAD), as well as in the sections Abstract and Conclusion. The results showed (*Table 3*) that “Method” still remains the section in which passive verbal forms are the most frequent.

Table 3

Distribution of the passive and active verbal forms per sub-corpus and per article section.

Article section	Sub-corpus 1		Sub-corpus 2		Sub-corpus 3	
	Active (%)	Passive (%)	Active (%)	Passive (%)	Active (%)	Passive (%)
Abstract	67	33	63	37	48	52
Introduction	78	22	68	32	58	42
Method	61	39	25	75	38	62
Results + Discussion	77	23	69	31	59	41
Conclusion	84	16	75	25	50	50

These results can be explained by the pragmatic value of the Method section, whose objective is to provide as many details of the work undertaken as possible in order to allow its reproduction and verification by other researchers (readers and evaluators of the article) if necessary. Thus, the focus is on the way an experiment or an analysis was carried out but not on the agent of the action.

While in general medicine sub-corpus the passive forms remain less frequent than the active verbal forms (39 % vs 61 % respectively), in surgery and mechanics sub-corpora, the rate of the passive is greater than that of the active, (75 % vs. 62 % respectively). Moreover, the results demonstrated that the passive forms were used in each article section of the three samples. In the mechanics sub-corpus, the frequency of the passive in each section exceeded 40 %. Thus, the data allow us

to conclude that the instructions from the editor that recommend using the passive mostly in the section Method are not followed.

To deepen our analysis, we attempted to reveal the variables which the results obtained with regard to the passive verbs. The literature review on the subject revealed studies bearing on the variation of passive verbal forms according to the article section [20], the domain of specialty [30], or the academic level of authors [11].

In our study, first, the verbs most frequently used in the passive were identified. In the general medicine sub-corpus, there were only 4 verbs (associate, describe, do, use) used in the passive in each of the analysed articles (equal to 4 %). In the surgery sub-corpus, the number of verbs reused in the passive (analyse, assess, define, find, perform, etc.) is higher and represents 8 %. Finally, in the mechanics sub-corpus, the verbs used in the passive (calculate, carry out, develop, investigate, observe, obtain) and common for each article analysed represent 9 %. These data demonstrate that in their writing, the researchers in surgery as well as the mechanical engineers have the most frequent recourse to the same verbs, reusing them in the passive. In the articles in general medicine, the range of verbs in the passive is larger and, consequently, more diversified.

On the other hand, the rates of passive forms could be due to the number of occurrences of the verb used in the passive. The analysis results demonstrate that, in the general medicine sub-corpus, the range of these verbs is limited to 17, compared to surgery and mechanics sub-corpora, with the ranges of 26 and 22 verbs respectively. This enables to state that surgeons, in their practice of scientific writing, adopt the strategy of recurrent use of a limited range of verbs the most often, while researchers in general medicine tend towards a greater lexical (verbal) diversity.

Moreover, it was observed that certain of the verbs used recurrently in the passive in sub-corpora 2 (surgery) and 3 (mechanics) were systematically used in the active in sub-corpus 1 (general medicine) They were preceded either by the first-person personal pronoun *we*, or used in the third person and preceded by substantives or the impersonal pronouns *it* or this:

– *document*: “*We documented* an absolute difference of 23.3 % [...],”

– *identify*: “*MP-MRI*, [...] *could identify* a quarter of men who [...],”

– *measure*: “*We measured* outcomes by participant-completed postal questionnaire [...].”

– *observe*: “*We observed* a significant difference between groups [...],”- *use*: “*We used* the hearing loss data in the study [...],”

– *obtain*: “*We obtained* the total number of male individuals living in each village [...],”

– *prepare*: “The analyses by sex and age were added when *we prepared* our analysis plan,”

– *show*: “Several of the principles that *we have shown* to be effective in our trial [...].”

Thus, this part of the analysis reveals that, in their writing practice, researchers in general medicine, even while making use of verbs identical to those used by the surgeons and engineers, adopt a writing style that highlights in a more salient way the “*we*” of researchers and/or author.

Furthermore, it was observed that, despite a strong presence of active verbs, the choice of voice remains unstable for certain verbs that can be used both in the active and in the passive. For example:

analyse

– active: “*We analysed* continuous outcomes using linear mixed models [...],”

– passive: “Data [...] were analysed by modified intention-to-treat [...],”

collect

– active: “*We additionally collected* qualitative data following completion of the randomised data [...],”

– passive: “[...] national data *were* recently *collected* from low-income and middle-income countries [...],”

deem

– active: “*We deemed* this univariate analysis as primary [...],”

– passive: “Drug actions were deemed to be not significantly different [...],”

note

- active: “*We noted* no differences between intervention and control villages [...],”
- passive: “No difference between drugs was noted for the odds of having a vertigo attack in the final 6 months.”

The examples above highlight the instability in the use of grammatical voice which may vary according to the author.

4. Conclusion

Writing in the passive is regularly part of writing manuals used for didactic purposes. Today, the active voice takes over the passive and is more and more strongly recommended in style manuals and house styles deemed as references of stylistic standardisation. However, even if their role in normalising standards is undeniable, the recommendations often remain imprecise, ambiguous and offer little precision on the use of the grammatical voice. The analysis of these references enabled to demonstrate that the recommendations with respect to the grammatical voice are the most exhaustive in general medicine journals, while scientific and surgical journals seem more tolerant with regard to the passive.

The comparison of the instructions from style manuals and house style guides with the actual use enables to state that the recommendations are transgressed regarding the prescribed frequency and distribution of the passive. Thus, a gap between the recommendations and the norms of use with respect to the grammatical voice is undeniable.

Furthermore, a typological distributional analysis showed that researchers in the domains taken into consideration in the present study do not share the writing strategies with respect to the use of the passive. Thus, researchers in general medicine respect the recommendations regarding the active/passive the most. In their writing practice, these researchers have recourse to diversified lexical means and tend to use verbs in the active. As for the strategies used by researchers in surgery and mechanical engineering, the use of the passive is still very frequent. They also use a less diversified range of verbs.

Note

¹ <https://www.sketchengine.co.uk/>

REFERENCES

1. Albert, T. *The A-Z of Medical Writing*. London: BMJ Books, 2000. – 157 p.
2. Amdur, R., Kirwan, J., Morris, C. Use of the passive voice in medical journal articles. // *AMWA Journal* 25/3. 2010. – P. 98-104.
3. Banks, D. *The Passive and Metaphor in Scientific Writing*. *Cuadernos de Filología Inglesa* 512. 1996. P. 13-22.
4. Beaufrère-Bertheux, C. L’anglais de la recherche médicale: une grande diversité. *Asp* 15-18. 1997. – P. 223-237.
5. Cargill, M., O’Connor, P. *Writing Scientific Research Articles. Strategy and Steps*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2010. – 236 p.
6. Cossette, P. *Publier dans une revue savante. Les 10 règles du chercheur convaincant*. Boisbriand: Presses de l’Université du Québec, 2009. – 115 p.
7. Dodge, Y. *Premiers pas en statistiques*. Paris: Springer-Verlag, 2008. – 428 p.
8. Dudley-Evans, T., St. John, M. *Developments in English for Specific Purposes: A Multi-Disciplinary Approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 317 p.
9. Goodman, N., Edwards, M., Langdon-Neuner, E. *Medical Writing: A Prescription for Clarity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 382 p.
10. Harris, Z. *Methods in Structural Linguistics*. Chicago, Illinois: The University of Chicago Press, 1951. – 384 p.
11. Hiltunen, T. *Passives in Academic writing: Comparing Research Articles and Student Essays Across Four Disciplines*. In Lopez-Couso M. J., Mendez-Naya B. & Nunez-Pertejo P. *Corpus Linguistics on the Move. Exploring and Understanding English through Corpora*. Leiden, Boston: Brill, Rodopi, 2016. – p. 132-157.
12. Hyland, K. *Writing without Conviction? Hedging in Science Research Articles*. *Applied Linguistics* 17/4, 1996. – p. 433-454.

13. Jolly, C., Goodman, N., Baskin, T. Hazards of the passive voice. *Nature* 381, 1996. – P. 730.
14. Lebrun, J-L. *Scientific writing. A reader and writer's guide*. Hackensack, New Jersey: World Scientific, 2007. – 224 p.
15. Leather, S. The case of the passive voice. *Nature* 381, 1996. – P. 467.
16. Leong, P. A. The passive voice in scientific writing. The current norm in science journals. *JCOM* 13/1. 2014. – P. 1-16.
17. Lichtfouse, E. *Rédiger pour être publié! Conseils pratiques pour les scientifiques*. Paris: Springer, 2009. – 105 p.
18. Livnat, Z. Impersonality and Grammatical Metaphors in Scientific Discourse. The Rhetorical Perspective. *Lidil. Revue de linguistique et de didactique des langues* 41. 2010. p. 103-119.
19. Maisonneuve, H., Lorette, G., Maruani, A. *La rédaction médicale*. Rueil-Malmaison: Doin. 2010. – 215 p.
20. Millar, N., Budgell, B., Fuller, K. Use of the Active Voice 'Whenever Possible': The impact of Style Guidelines in Medical Journals. *Applied Linguistics* 34/4, 2013. – P. 393-414.
21. Paquot, M., Bestgen, Y. Distinctive words in academic writing: A comparison of three statistical tests for keyword extraction. In Jucker A.H., Schreier D. & Hundt M. (eds). *Corpora: Pragmatics and Discourse*. Amsterdam: Rodopi, 2009. – P. 247-269.
22. Perlman, A. Passive voice. *Nature* 382, 1996. – P. 108.
23. Rabinowitz, H., Vogel, S. *The Manual of Scientific Style: A Guide for Authors, Editors, and Researchers*. Oxford: Elsevier, Academic Press, 2009. – 984 p.
24. Rayson, P., Berridge, D., Francis, B. Extending the Cochran rule for the comparison of word frequencies between corpora. In Purnelle G., Fairon C. & Dister A. (eds). *Le poids des mots: Proceedings of the 7th International Conference on Statistical analysis of textual data (JADT 2004)*. Louvain-la-Neuve: Presses Universitaires de Louvain, 2004. – P. 926-936.
25. Reutner, U. De nobis ipsis silemus? Les marques de personne dans l'article scientifique. *Lidil. Revue de linguistique et de didactique des langues* 41, 2010. – P. 79-102.
26. Ribes, R., Iannarelli, P., Duarte, R. *English for Biomedical Scientists*. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2009. – 142 p.
27. Rogers, S. *Mastering Scientific and Medical Writing*. Heidelberg: Springer, 2014. – 306 p.
28. Sheen, A. *Breathing Life into Medical Writing: A Handbook*. Saint Louis, Missouri: Mosby, 1982. – 120 p.
29. Sigel, T. How passive voice weakens your scholarly argument. *Journal of Management Development* 28/5, 2009. – P. 478-480.
30. Swales, J. Then and Now: A Reconsideration of the First Corpus of Scientific English. *Ibérica* 8, 2004. – P. 5-21.
31. Taylor, R. *The Clinician's Guide to Medical Writing*. Heidelberg: Springer, 2011. – 371 p.
32. Tribble, C. Genres, keywords, teaching: towards a pedagogic account of the language of project proposals. In Burnard L., McEnery T. (eds). *Rethinking Language Pedagogy from a Corpus Perspective: Papers from the Third International Conference on Teaching and Language Corpora*. Frankfurt: Peter Lang, 2000. – P. 75-90.
33. Wanner, A. *Deconstructing the English Passive*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. – 230 p.
34. Yang, J., Yang, J. *An Outline of Scientific Writing: for Researchers with English as a Foreign Language*. Singapore: World Scientific, 1995. – 176 p.

List of journals

American Journal of Medicine
British Medical Journal
Carbon
European Journal of Internal Medicine
European Journal of Mechanics – A/Solids
European Journal of Vascular and Endovascular Surgery
Journal of American Medical Association
Journal of the Mechanics and Physics of Solids
Journal of Thoracic and Cardiovascular Surgery

Journal of Vascular Surgery
Nature
Proceedings of the National Academy of Sciences
Science
The Lancet

Материал поступил в редакцию 01.11.17.

ЗАЛОГ В АНГЛИЙСКОМ ИНЖЕНЕРНОМ, ОБЩЕМЕДИЦИНСКОМ И ХИРУРГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ОТ ИНСТРУКЦИЙ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ

Т.В. Мусинова, кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладных языков
Университет Верхнего-Эльзаса (Мюлуз), Франция

***Аннотация.** В первую очередь мы проанализировали учебные пособия по научному стилю и редакторские рекомендации и сформулировали основные тенденции относительно использования активных/пассивных конструкций в научных статьях. Чтобы проверить, соблюдаются ли данные рекомендации авторами статей, мы провели сопоставительный анализ использованных форм активно/пассивного залога и инструкций. Также нами были выявлены сходства и различия использования залоговых форм в инженерном, общемедицинском и хирургическом корпусах.*

***Ключевые слова:** научный стиль, пособия по научному стилю, редакторские рекомендации, активный/пассивный залог.*

Для заметок

Для заметок

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал

№ 6 (12), ноябрь / 2017

Адрес редакции:
Россия, 400081, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312.
E-mail: sciphilology@mail.ru
<http://sciphilology.ru/>

Изготовлено в типографии ООО «Сфера»
Адрес типографии:
Россия, 400105, г. Волгоград, ул. Богунская, 8, оф. 528.

Учредитель: ООО Издательство «Научное обозрение»

ISSN 2414-4452

Редакционная коллегия:
Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук
Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук
Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук

Подписано в печать 13.11.2017 г. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Заказ № 20. Свободная цена. Тираж 100.